

РАННИЕ СЛАВЯНСКИЕ ГИМНОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ: ИСТОЧНИКИ И РЕКОНСТРУКЦИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ КАНОНА КИРИЛЛУ ФИЛОСОФУ)¹

© 2008 г. В. Б. Крысько

Гимнографические памятники занимают важнейшее место среди источников по истории древнерусского и церковнославянского языков. Большинство гимнографических текстов представляют собой переводы с греческого. Однако уже с середины XIX в. науке известны службы и стихиры, для которых до сих пор не было обнаружено греческих соответствий. Вследствие отсутствия греческих оригиналов в славистике возобладало мнение о собственно славянском происхождении этих сочинений. Автору удалось обнаружить греческие источники ряда тропарей, а также метрические, лексические и тематические схождения между службой св. Кириллу и некоторыми греческими текстами. Открытие византийских источников указанных текстов существенно облегчает их понимание, позволяет разъяснить “темные места” и дает возможность на основе стихометрического анализа реконструировать первоначальный облик древнейших славянских гимнографических произведений, а также их гипотетических греческих оригиналов.

Hymnographical texts are of particular significance for the history of Old Russian and Church Slavonic. The majority of the texts are translations from Greek originals. However, as early as the middle of the 19th century, services and stichera were identified for which no corresponding Greek text was known. This absence of Greek sources encouraged the prevailing opinion among Slavists that these texts were original Slavic compositions. The author has discovered Greek sources for a number of troparia, as well as metrical, lexical and thematic correspondences between the service to St. Cyril and some Greek texts. The discovery of the Greek sources for the given texts has substantially improved our ability to understand them and facilitated the elucidation of the hitherto “obscure passages”. Moreover, it is now possible, through poetic and metrical analysis, to reconstruct the original form of the earliest Slavic hymnographic works, as well as the form of their hypothetical Greek originals.

1. Гимнографические сборники – минеи, триоди, стихирари, октоихи, ирмологии и др. – занимают, наряду с евангелиями, важнейшее место среди источников по истории старославянского и (древне)русско-церковнославянского языков. Большинство гимнографических текстов являются переводами с греческого. Однако уже с середины XIX в. науке известны каноны и стихиры, для которых до сих пор не было обнаружено греческих соответствий, в частности, сочинения в честь славянских святых – Кирилла и Мефодия, Вячеслава Чешского, Бориса и Глеба, а также одна из служб Димитрию Солунскому и азбуковные стихиры на Рождество и Крещение. Вследствие отсутствия греческих оригиналов в славистике возобладало мнение о собственно славянском происхождении этих произведений, хотя и время, и место их создания вызывают весьма разноречивые суждения. Анализ раннеславянских гимно-

графических текстов существенно затрудняется тем, что сохранившиеся списки демонстрируют значительные расхождения и содержат множество “темных мест”. Хотя за полтора столетия в науке немало сделано для изучения древнеславянских песнопений, имеющиеся работы направлены прежде всего на введение в научный оборот новых источников. Критическое издание древних текстов еще практически не стояло на повестке дня, и в наши дни по-прежнему в значительной мере сохраняет актуальность замечание, высказанное в 1862 г. по поводу служб солунским братьям: “В древних рукописных минеях, сохранившихся в разных библиотеках, находятся службы св. Кириллу и Мефодию; но в настоящее время их нет в печатных церковнославянских богослужебных книгах, и чтители памяти их для празднования должны обращаться к древним рукописям, которые, впрочем, весьма редки и притом по своей поврежденности требуют восстановления их правильного текста” [1]. Следует признать, что ситуация мало изменилась и после выхода новоцерковнославянских версий этих служб [2; 3]: принятые современной церковью тексты не основываются на научном текстологическом анализе и содержат ряд произвольных эмендаций; публи-

¹ Статья первая – доклад на XIV Международном съезде славистов (Охрид, 2008). Исследование выполнено в рамках проекта “Ранние славянские гимнографические тексты: источники и реконструкция”, поддержанного Отделением историко-филологических наук РАН (Программа фундаментальных исследований “Русская культура в мировой истории”), и проекта “Кирилл и Мефодий в славянской гимнографии”, поддержанного РГНФ (№ 08-04-00401а).

кации филологов также не решают указанной проблемы, и, таким образом, реконструкция первоначального текста кирилло-мефодиевских служб – как и других древнейших памятников славянской гимнографической литературы – остается в числе *desiderata* современной славистики. Эта реконструкция, основанная, с одной стороны, на исчерпывающем сравнительном анализе всей рукописной традиции служб, с другой стороны – на изучении греческих источников (также с учетом разночтений по разным спискам), может стать важным вкладом в исследование древней славянской литературы в ее отношениях с византийской литургической поэзией, в установление лексического состава и грамматических особенностей старославянского языка и русско-церковнославянского языка древнейшей поры.

Методологические основания реконструкции славянской гимнографии были заложены А.И. Соболевским, который в цикле пионерских работ [4–7], обобщенных в статье 1910 г. [8], установил стихотворный характер ряда древних церковнославянских произведений (Азбучная молитва Константина Болгарского, Похвала царю Симеону в Изборнике 1073 г., Проглас к Св. Евангелию и нек. др.), указал на их метрическое сходство с греческими стихотворениями (написанными, по его словам, так называемым “политическим стихом”, “очень похожим на русский силлабический стих XVII–XVIII веков” [8, с. 1–2]) и продемонстрировал возможности реконструкции первоначального текста этих сочинений, опирающейся на их стихотворную структуру и на научные представления о старославянской языковой системе IX–X вв. Отметив, что “древние церковнославянские стихотворения” “относятся к тому периоду истории церковнославянского языка, когда все древние *ѣ*, *ь* и *и* еще существовали как гласные звуки и составляли слог, т.е. ко времени никак не позднее конца X века”, ученый подчеркнул: “Эти церковнославянские стихотворения дошли до нас, конечно, не в подлинниках, а в более или менее поздних списках, где *ѣ* и *ь* часто опущены и язык вообще подновлен. Поэтому их текст нуждается в восстановлении” [8, с. 2]. Что касается этого “восстановления”, то оно, по мнению Соболевского, – “вещь не хитрая. Нужно поставить на места древние *ѣ* и *ь*, окончания прилагательных *аго*, *уму*, *ымь* и т.п. заменить через *ааго*, *ууму*, *ымь* и т.п., и то не всегда, и восстановление в главном готово” [8, с. 2]. Правда, тут же исследователь заметил, что “не все стихи таким образом могут быть восстановлены; для других необходимы более значительные поправки” [8, с. 2], – и действительно, для примерно двадцати “различных азбучных стихотворений, дошедших в ряде русских списков не ранее XV века, по преимуществу же XVII века”, Соболевский счел возможным “восстановление лишь

немногих отдельных стихов”, поскольку текст их в процессе бытования был слишком искажен переписчиками [8, с. 4].

В еще меньшей степени вывод о “нехитрости” реконструкции может быть отнесен к произведениям гимнографического жанра. Примечательно, что И.В. Ягич, осуществивший первое научное издание славянских гимнографических текстов – публикацию новгородских служебных миней конца XI в. [9], не только высказал суровый приговор древнейшим переводам греческих миней на церковнославянский язык (“Славянские переводчики... старались перевести миней, как богослужебные книги, с буквальной передачей греческих слов славянскими, не заботясь при этом нисколько о смысле подлинного текста и не задаваясь восстановлением его в переводе” [9, с. LXXVIII]), который на долгое время определил скептическое отношение исследователей к технике перевода гимнографических сочинений, – он также отказал славянским минейным текстам в статусе поэтических произведений: “Не обращая внимания на данный текст, как на произведение греческой поэзии, они [переводчики], конечно, в своем переводе не соблюдали ни размера стихов, ни таких поэтических украшений, как акростихи” [9, с. LXXVIII].

Однако если применительно к акростихам в переводных (но отнюдь не в оригинальных!)² текстах вывод маститого слависта нельзя не признать справедливым (и в самом деле – как можно было средствами славянского языка сохранить греческий алфавит в зачалах отдельных песнопений?), в отношении “размера стихов” решительное заключение Ягича было опровергнуто спустя четверть века на страницах издававшегося им же журнала “Archiv für slavische Philologie”: немецкий исследователь Р. Абихт доказал, что знаки точек в славянских гимнографических рукописях отражают – хотя и не без ошибок – границы колонов (стихотворных строк) в соответствии с греческим оригиналом, а древнейшие славянские переводчики старались сохранять в пределах каждого колона число слогов, присущее греческому источнику [11; 12]. Главный недостаток реконструкций Абихта, основанных на открытом им соответствии слоговой структуры греческих и славянских гимнографических текстов, – произвольное восстановление или невосстановление редуцированных, т. е. неучет именно тех краеугольных лингвистических положений, которые ранее сформулировал Соболевский³.

Прошло еще 40 лет, и в начале 1960-х гг. Р. Якобсон вновь привлек внимание исследователей к тесной связи между ранними славянскими гимнографическими текстами и греческими образцами: на материале трех служб – Кириллу,

² См. новейший обзор древнеславянских акростихов в статье [10].

³ См. скептическую реплику Ягича на статью Абихта [13].

Мефодию и обоим братьям – он, не входя в детали, отметил “a masterly adaptation of the tropes and figures cultivated in Byzantine traditional chant to new, Slavic topics”; весьма важным представляется указание на “an intimate symbolic interplay in the Odes between the original Slavic Troparia on the one hand and their model Hirmus and the concluding Theotokion (*bogorodičьnъ*) on the other” [14, с. 253], имплицитно предполагающее переводной характер богородичных тропарей, завершающих каждую из песней канона. Следует, правда, заметить, что предложенная Якобсоном реконструкция стихометрической структуры стихир в честь Кирилла Философа [14, с. 254] весьма мало соответствует греческому ирмосу (стихомелодическому образцу), указанному во всех славянских списках, – стихире *Ἐδοκας σπμείωσιν*.

Дальнейшие исследования привели специалистов к выводу о том, что древнейшие славянские гимнографические сочинения отличались стремлением к возможно более верной передаче смысла греческих оригиналов наряду со стремлением к сохранению числа слогов в строке (изосиллабизму) и, в меньшей степени, к гомотонии, т.е. одинаковому распределению ударений в колонне (см. [15, с. 390]), – хотя эти формальные требования не следует абсолютизировать: в распоряжении славянских переводчиков имелись такие музыкальные средства, которые позволяли либо элиминировать несущественные музыкальные элементы, либо вводить дополнительные (например, повторение тона) [15, с. 403–404].

Установление основных стихометрических особенностей переводной гимнографической поэзии, достигнутое в результате более чем столетних изысканий, дает, как нам кажется, основания приступить к критическому исследованию текстов, считающихся либо действительно являющихся оригинальными творениями славянской литургической поэзии.

В настоящей работе очерченный круг проблем будет рассмотрен на материале одного из древнейших произведений славянской гимнографии – службы Кириллу Философу⁴.

2. После первой публикации песнопений в честь Кирилла и в честь Кирилла и Мефодия А.В. Горским [17–19] и В.И. Григоровичем [20; 21] вплоть до начала Первой мировой войны русские ученые (И.И. Срезневский, А. Александров, К.Ф. Радченко, Н.В. Шляков) издали целый ряд списков этих текстов [22–26]; в работах А.В. Горского [17; 18], В.И. Григоровича [20; 21], П.С. Казанского [27] и особенно А.Д. Воронова [28] были высказаны прозорливые, хотя и оставшиеся недоказанными предположения о греческом происхождении кирилло-мефодиевских канонов. В 1930 г. вышло в свет сводное издание П.А. Лавро-

ва [29], включившее публикации Горского и Григоровича с разночтениями по всем опубликованным к тому времени спискам. После этого исследование кирилло-мефодиевской гимнографии сосредоточилось в Болгарии – появились работы И. Иванова [30], А. Теодорова-Балана [31], И. Гошева [32], Б. Ангелова [33; 34], К. Кодова [35], Б. Райкова, Б. Христовой [36–38], К. Станчева и Г. Попова [39], М. Йоновой [40], Б. Карастоянова [41], П. Стефанова [42], Т. Крыстанова [43], А. Стойковой [44], Б. Мирчевой [45], которые ввели в научный оборот новые списки служб и во многих отношениях продвинули вперед текстологическое изучение памятников; общей чертой этих работ является представление об оригинальном, собственно славянском происхождении указанных канонов (в качестве их авторов предлагались Мефодий, Наум, Климент Охридский, Савва [46]). С исследованиями по названной теме выступили и представители других стран – Д. Костич (Сербия) [47], А. Наумов и М. Кучиньская (Польша) [48; 49; 50], К. Нихоритис (Греция) [51], Е.М. Верещагин (Россия) [52; 53], С.Ю. Темчин (Литва), остроумно реконструировавший греческий акростих в конце кирилловского канона [54–56], М. Якимовска-Тошич (Македония) [57].

К настоящему времени опубликованы – с разной степенью точности – 24 из 25 известных науке списков службы Кириллу⁵ и тем самым открыт путь к всестороннему изучению памятника. Однако работа Б. Мирчевой “Канонът за Кирил и Методий и службата за Кирил в славянската книжнина” [45], призванная обобщить собранный материал, к сожалению, не может быть признана вполне удовлетворительным исследованием: несмотря на введение в научный оборот ряда новых списков, публикация страдает бесчисленными ошибками в воспроизведении текста⁶, лингвисти-

⁵ В это число включены издания копий XIX в. с трех несохранившихся списков – В, Др и Ск. Только в разночтениях, т.е. выборочно, опубликован список Пал (см. [22; 58, с. 558–593]). О двух, по-видимому, утраченных восточнославянских списках XVI и XVII вв. см. [59; 60].

⁶ Чтобы не быть голословными, приведем лишь некоторые примеры из службы Кириллу по списку T105 [45, с. 222–223]: в первой стихире пропущена целая синтагма – *въ срѣдѣ вѣлагаа. вѣроующимъ*, в последнем слове – *сѣхуженик* – напрасно вставлена д, превращающая восточнославянскую огласовку в южнославянскую; во второй стихире пропущены точка и союз и в первой строке, не оговорена опечатка *моудродрости*, произвольно раскрыто титло в форме *сѣисительно*, пропущена точка после *разоумник*, *ь* в форме *пѣньими* напрасно заменен на *ы*; в третьей стихире не оговорена диттография *Житиетник*, пропущена синтагма *предъ богомъ вы(с) всацьскымъ*; в публикации канона по списку T104 [45, с. 242–249] в первом тропаре первой песни пропущено слово *оустынкъ*, в первом тропаре третьей песни – *сѣа*; в издании списка Xal64 [45, с. 250–257] пропущены следующие словосочетания и слова: *всч числа мл(с)ты* (первая стихира), *вы(с)* (богородичен 1-й песни), *врагомъ* (второй тропарь 6-й песни), *ѿврьстоу* (богородичен 6-й песни) – не говоря уже о пропусках, смешениях и перестановках отдельных букв, точек и титл.

⁴ См. также анализ одной из стихир Борису и Глебу в нашей статье [16].

ческий анализ памятников далек от уровня современной исторической славистики⁷, и автор даже не ставил перед собою задачу критического издания и реконструкции текстов. В 2005 г. в подготовленном нами лингвистическом издании одного из древнейших славянских гимнографических собраний – так наз. Ильиной книги рубежа XI–XII вв. – служба Кириллу Философу была впервые не только полностью, но и без искажений (ср. издания [42; 45, с. 230–235]) опубликована по этому списку [58, с. 556–595], причем публикация впервые сопровождалась подведением значимых разночтений по *всем* сохранившимся спискам памятника (по рукописям, хранящимся в Москве и Санкт-Петербурге, и изданиям текстов, находящихся за рубежом); в некоторых случаях на основе сопоставления вариантных чтений высказывались предположения о первоначальных чтениях и о значении некоторых “темных слов” (например, **наводнь** ‘мнимый’, **неимь** ‘дикий, необузданный’). Поскольку, однако, в Ильиной книге текст службы воспроизведен не полностью (из каждой песни отсутствует по одному тропарю), эта публикация памятника не может претендовать на статус критической. Наконец, недавняя публикация службы Кириллу по трем восточнославянским спискам, осуществленная в рамках издания февральской минеи группой боннских гимнологов [61], также отличается – как, впрочем, и вся продукция этого коллектива (см. [62]) – большим количеством неправильных чтений [63, с. 22–24]: пропускаются целые слова и слоги, опускаются, заменяются и вставляются отдельные буквы, порой наблюдается неверный словораздел; вопреки претензиям на полноту критического аппарата, далеко не полностью и не точно подведены разночтения; особенно удручают переводы на немецкий язык, опирающиеся на зачастую неправильные написания списка С или же просто ничем не обоснованные, и крайняя немногочисленность необходимых эмендаций, идущая вразрез с постоянно декларируемым “историко-критическим” характером издания; правильные решения, основанные на чтениях и исправлениях других уче-

ных, как правило, не сопровождаются ссылкой на источник⁸.

В целом можно констатировать, что стремление к постижению содержательной стороны кирилло-мефодиевской гимнографии, ярко проявившееся в комментариях первых исследователей песнопений – Горского, Григоровича и Казанского – в современной славистике уступило место воспроизведению (далеко не всегда корректному) отдельных списков памятников, атомарному подходу к отдельным чтениям, отличающемуся, кроме того, крайне недостаточным вниманием к лингвистической характеристике источников и забвением принципиальных выводов А.И. Соболевского и Р. Якобсона.

После того как немецкой исследовательнице Д. Кристианс удалось обнаружить греческие оригиналы двух богородичных тропарей канона Кириллу [66] и тем самым подтвердить имплицитное предположение Р. Якобсона о переводном характере богородичных этой службы [14, с. 253], в распоряжении ученых оказался объективный критерий, позволяющий выяснить, с одной стороны, адекватность содержащихся в различных списках службы и порой противоречивых указаний на ирмос, с другой стороны – степень отражения стихометрической структуры греческих образцов в славянских тропарях, причем не только тех, к которым были обнаружены греческие источники, но и во всех остальных.

2.1. Сопоставление богородична первой песни с греческим оригиналом (PaR 280) показало (см. [65, с. 33–35]), что перевод, вошедший в состав кирилловского канона, является чрезвычайно точным и корректным не только в плане семантики, но и с точки зрения передачи синтаксической и стихометрической структуры, ср. параллельные тексты греческого тропаря и реконструированного славянского перевода (в тре-

⁷ Отметим, например, неверную квалификацию формы мест. падежа **свѣтъѣ** как дательного [45, с. 157], определение флексии **-ѣмь** в твор. падеже как “староболгарской” [45, с. 200], прилагательного **неч(с)тыя** – как существительного, причастия **наводьненоу** – как прилагательного [45, с. 206], исконного окончания зват. формы **jo-основ -у* – как инновационного [45, с. 210], винительного-родительного мн. ч. **полицѣхъ** и **в(ь)сѣхъ** – как местного [45, с. 210–211] и т.п.

⁸ Видимо, перечисленные “достоинства” и служат теми конститутивными признаками, которые позволяют Г. Роте высокомерно противопоставлять “филологические” издания лингвистическим [64, с. 272]. Об уровне понимания филологом древнеславянского текста красноречиво свидетельствует, например, следующий пассаж, непосредственно касающийся анализируемого нами канона: “...святой Константин-Кирилл присоединил свет к свету: **свѣтъѣ приложъ сѧ свѣтъѣ**... в смысле: к философскому знанию он присоединил богословское познание, т.е. как философ он стал монахом” [64, с. 289]. В действительности форма **свѣтъѣ** в 8-й песни канона отнюдь не соотносится с **приложъ сѧ свѣтъѣ** (возвратный глагол никак не может иметь переходного значения ‘приложить’), а является предикативным именительным при следующем далее (и произвольно опущенным в цитате Г. Роте) аористе **ѧвисѧ**, так что смысл фразы весьма далек от постулируемого немецким автором: ‘Приобщившись к (божественному) свету, ты стал (вторым) светом’ (подробнее см. [53, с. 880–885; 58, с. 581; 65, с. 57]). – Как говаривал Ломоносов, “в грамматике все науки нужду имеют”.

тѣм столбце приведено количество слогов соответственно в оригинале и переводе):

¹ Ὁραίων ὑπέρτερος	7/8	*Краснѣымъ прѣимѣмъ
² τῶν οὐρανίων δυνάμεων	9/8–9	небеснѣ(и)мъ силамъ
³ ὁ θεῖός σου γέγονεν	7/7	божин твои бѣсть
⁴ οἶκος ὁ ἐμπυχός,	6/6	храмъ доушевнѣ
⁵ ἡ ἐν μήτρᾳ σε	5/5	аже въ чрѣвѣ
⁶ βασιτάσσα Παρθένος,	7/7	понесѣши тѣ дѣва
⁷ τὸ ὄρος τὸ ἅγιον	7/6	гора прѣсватаѣ
⁸ σοῦ τοῦ Θεοῦ ἡμῶν.	6/7	твоѣа бога нашего.

Переводчик, полностью сохранив членение на музыкально-ритмические отрезки (колонны), смог найти для греческих лексем точные соответствия, воспроизводящие силлабическую структуру оригинала; передав в своем тексте даже греческий артикль (ἡ – **аже**), он, в то же время, позволил себе определенную свободу при передаче начальной синтагмы: сочетанию компаратива с род. пад. соответствует полупредикативная конструкция причастия от глагола **прѣимѣти** с дативом⁹. В целом данный тропарь, вызвавший затруднения у первых исследователей [21, с. 258; 27, с. 300–301], вполне адекватно выражает смысл оригинала, обращенного к Христу и посвященного Богородице: 'Превосходящим прекрасные небесные силы стал божественный Твой храм духовный – выносившая Тебя в чреве Дева, гора святая Твоя, Бога нашего'.

Осуществленная нами реконструкция богородична в большинстве пунктов опирается на чтения, представленные уже в древнейшем списке кирилловского канона – *Ил*; отдельные изменения связаны с необходимостью уравнивать число слогов в корреспондирующих славянских и греческих колонах: так, стяженная форма **нѣснѣмъ** исправлена, в соответствии с чтением шести списков, начиная с XII в. (*С*, *Т104*, *Т98*, *Т105*, *Др*, *НБ140*), на **небеснѣмъ**; устранена частица **бо** после **бѣжин**, не имеющая соответствия в греческом и отсутствующая в восьми списках также начиная с XII в. (*Т104*, *НБ902*, *НБ140*, *Ц*, *Л*, *НБ141*, *Вар*, *Поч*). Соображения частотности, однако, едва ли следует принимать во внимание в тех случаях, когда чтение, зафиксированное в большинстве списков, нарушает слоговую структуру тро-

паря: так, нечленная форма прилагательного **доушевнѣ** (*Ил*) предпочтена нами членной – **доушевнѣи**, наблюдающейся в 16 списках XII–XVII вв., а причастие **понесѣши** (*Ил*), воспроизводящее греческую форму **βασιτάσσα**, – аористу **понесе**, также отмеченному в 16 списках. Субстантивированное прилагательное **дѣва**, фигурирующее в подавляющем большинстве списков, заменено на существительное (впрочем, адъективное по происхождению) **дѣва**, хотя подобная форма зарегистрирована в единственном позднем списке *Пог*, очевидно малопоказательном для реконструкции первоначального текста; поскольку, однако, уже в древнейших гимнографических памятниках, например, в той же *Ил*, а также во всей старославянской письменности [69] нечленная форма **дѣва** существенно преобладает над **дѣваа**, проведенная эмендация, восстанавливающая изосиллабизм в 6-м колоне, кажется вполне правомерной.

В результате реконструированный текст тропаря отличается от оригинала лишь в двух колонах. В первой строке ориентированное на древнейший список чтение **Краснѣымъ прѣимѣмъ**, со стяженной формой прилагательного (vs. **-ѣимъ** в девяти списках XII–XIV вв.), все же не позволяет уравнивать число слогов (8) с оригиналом (7). Вероятно, здесь мы имеем дело именно с таким случаем, когда неустраняемое различие слогов выравнивалось за счет нотации: лишний слог выпевался в том же тоне, что и предыдущий, "thus in no way changing the melodic pattern of the original" [15, с. 398]. В то же время предпочтительное сохранение при реконструкции стяженной формы явно противоречит архаизирующему принципу, осторожно сформулированному применительно к данному явлению А.И. Соболевским ("окончания прилагательных *аго*, *уму*, *ѣимъ* и т.п. заменить через *ааго*, *ууму*, *ѣимъ* и т.п., и то не всегда" [8, с. 2]; разрядка наша) и более решительно – Р. Якобсоном, который отметил в певческих рукописях "the scrupulous preservation of uncontracted forms for the compound adjectives" [14, с. 248]. На самом деле, как показывает материал канонических памятников, употребление архаичных нестяженных форм отнюдь не было неперенным признаком старославянского языка: по данным П. Дильса, **-ѣхъ** в род. пад. мн. ч. нередко в Зографском евангелии, преобладает в Синайской псалтыри, регулярно в Киевских листках, Клоцевом сборнике, Синайском ехологии, Саввиной книге, встречается в Мариинском евангелии и Супрасльской рукописи, **-ѣмъ** в дат. пад. мн. ч. изредка отмечается в Зогр, Мар, преобладает в Син, постоянно или почти постоянно фиксируется в Сав, Киев, Клоц, Евх, **-ѣи** в твор. пад. мн. ч. преобладает в Зогр, встречается в Мар, регулярно или почти регулярно наблюдается в Сав, Киев, Клоц, Евх и т. д. [70, с. 196]. С учетом подобной

⁹ По варианту в [67], лучше соответствующему славянской косвеннопадежной форме мн. ч. **Краснѣымъ**, нежели чтение PaR' Ὁραῖος (согласованное с οἶκος).

¹⁰ Аналогичный пример весьма рано вытесненного дативного управления отмечен в переводе Хроники Георгия Амартола при глаголе *преимати*: сѣнчньна години *преимаю(т)* дѣии ·аѣ· лоунынѣи же годинѣ. ГА XIV₁, 136в (в греческом – вин. падеж) [68, т. VIII, с. v.].

вариативности в древнейших славянских рукописях и на фоне нередкого и как будто неожиданно-го использования стяженных форм в древнерусских кондакарях [71, с. 229], мы, думается, можем без особой натяжки предположить возможность варьирования стяженных и нестяженных форм прилагательных и в начальный период славянской письменности, т.е. в эпоху создания кирилловского канона, – и, тем самым, постулировать сосуществование форм **Красньнымъ** и **небесньнымъ** в первоначальном тексте канона. В то же время в данном случае нельзя исключить и несколько иную реконструкцию, опирающуюся на чтение древнейшего списка, – ***Красньнымъ прѣимѣмъ небесньнымъ силамъ**, с лишним слогом в первом колоне и недостающим – во втором.

В седьмом колоне, где почти все списки демонстрируют 6 слогов (а три – *Ц, Л, Поз* – даже 5, благодаря сокращению формы **прѣстага** до **сѣаа**) в отличие от 7 в греческом оригинале, нехватка слога, по-видимому, компенсировалась устранением несущественных музыкальных элементов либо комбинацией двух музыкальных знаков на одном слоге [15, с. 403].

Установление четкого стихометрического параллелизма между богородичным 1-й песни и его греческим оригиналом, а следовательно – и между богородичным и выписанным в начале песни ирмосом – *Ἀνοίξω τὸ στόμα μου*, по образцу которого и написан тропарь *Ωραίων ὑπερτέρου*, позволяет предположить, что другие тропари 1-й песни также укладываются в музыкальную и стиховую структуру греческого ирмоса.

Легче всего это предположение верифицируется на материале *т р е т ь е г о* тропаря, который тоже имеет близкое греческое соответствие, однако не стихометрическое, а смысловое и синтаксическое: как было показано в нашей статье [63, с. 28–30], этот тропарь заимствует образы, выражения и обороты одного из тропарей греческого канона в честь Григория Нисского, хотя и отличается от него в метрическом отношении. Благодаря сравнению с греческим источником¹¹ (*Ἐκ τοῦ πελάγους τῶν θεῶν λόγων * τὸν μαργαρίτην ἀληθῶς * τὸν τῆς εὐσεβείας ἀνιμήσω, Γρηγόριε, * διδαχαῖς τοὺς πιστοὺς * ταῖς ὑπερτίμοις πλουτίζοντα ἐν θεοῖς*¹² букв. ‘Из моря божественных слов жемчуг воистину благочестия ты извлеч, Григорий, учения верных драгоценными обо-

гающий боговдохновенными’) славянский парафраз, который к тому же в большей своей части обнаруживает по различным спискам весьма устойчивое сохранение текста, может быть реконструирован достаточно надежно (в третьем столбце здесь и далее слева указывается количество слогов в славянском тропаре, справа – в греческом ирмосе и, в случае колебаний, в некоторых тропарях, написанных на этот ирмос¹³):

1	*Свѣтъимъ доухомъ	7/7
2	отъ пжчинъ изъ(ъ)влѣче	8–9/8–9
3	божикмъ словомъ	7/7
4	благъмъ вѣрты /благовѣрна/ мждре	7/6–7
5	драгъ висерьъ	5/5–6
6	кѣнигами блажене	7/6–7
7	мзътыкы обогати	7/6–7
8	божия закона	6/6–7

– т.е. ‘С помощью Св. Духа ты, мудрый, извлеч из пучины Божьих словес драгоценный жемчуг благоверия <и> обогатил, блаженный, народы книгами Божьего закона’.

Изменения, вносимые в реконструируемый текст по сравнению с древнейшими списками (начиная с *С*; в *Ил*, *НБ895*, *З*, *Хл166*, *НБ902*, *НБ140*, *Л*, *НБ141*, *Вар*, *Поч* этого тропаря нет), минимальны: ошибочная форма твор. пад. ед. ч. **божикмъ словъмъ**, возникшая в результате падения и смешения редуцированных на болгарской почве, заменена правильной формой дат. пад. мн. ч. **божикмъ словомъ**, выступающей как регулярное и весьма архаическое соответствие греческому приименному генитиву (*τῶν θεῶν λόγων*); второй предикат, представленный во всех восточнославянских списках в виде **освѣти** (что создает малопонятную ситуацию с “освящением” чужеземцев “языков”), заменен чтением **обогати**, присутствующим в четырех южнославянских списках начиная с древнейшего – *Гр* (в списке *Ск* – в несколько искаженном облике: **мбогатити**) и соответствующим греческой лексеме *πλουτίζοντα* (отнесенной в источнике парафраза к жемчугу). Ни стихометрия славянского текста, ни греческий текст, к сожалению, не позволяют с уверенностью сделать выбор между двумя вариантами, представленными в 4-м колоне: **благъмъ вѣрты** (подавляющее большинство списков)/**благовѣрна** (список *Гр*: **блговѣрна**); хотя греческая параллель – *εὐσεβείας* – как будто свидетельствует в пользу композита, переводные гимнографические про-

¹¹ Здесь и далее границы колонов греческого текста обозначаются астериском, строк славянского текста – прямой чертой (I), а раздел страниц – двумя чертами (II).

¹² Эта форма, лучше соответствующая славянскому прилагательному **божия**, дается здесь по разночтению, приведенному в АНГ по рукописи XI в., тогда как в трех других списках греческого канона – XI, XIII–XIV и XV в. – представлено наречие *ἐν θεοῖς* (АНГ V 209).

¹³ Анализ византийских гимнографических текстов осуществлялся преимущественно по базам данных, доступным в Интернете: <http://www.analogion.net/glt/monotonic> (для MR) и TLG (для АНГ и некоторых других сочинений); точные указания на тома MR и АНГ означают, что материал приводится непосредственно по изданию.

изведения указывают и на возможность перевода греческого существительного посредством словосочетания [72, с. 286; 58, с. 671]. В то же время сопоставление с источником парафразирования позволяет с уверенностью отвергнуть при реконструкции текста вариант **поустыниа**, зарегистрированный в T104 в отличие от **поучины** большинства списков, прямо соответствующей греческому τοῦ πελάγους.

Прозрачность реконструкции и наличие очевидного источника парафразирования побуждают нас сделать следующий – может быть, излишне решительный? – шаг и поставить вопрос о существовании прямого греческого источника славянского текста. Ориентируясь, во-первых, на ирмос Ἀνοίξω τὸ στόμα μου (EE 99), во-вторых, на обороты из тропаря Ἐκ τοῦ πελάγους, прямо корреспондирующие с тропарем **Свѣтъимъ доухомъ**, в-третьих, на достаточно регулярные лексические соответствия между славянскими и византийскими гимнографическими сочинениями (ср., например, трехкратную передачу глагола ἀνεῖλκυω посредством **извлѣши** в текстах Ильяной книги [58, с. 734]¹⁴), мы можем попытаться произвести обратный перевод со славянского на греческий:

¹ *Свѣтъимъ доухомъ	*Τῷ ἁγίῳ πνεύματι	Ἀνοίξω τὸ στόμα μου
² отъ пжчины из(ъ)влѣче	ἐκ τοῦ πελάγους ἀνεῖλκυσας	καὶ πληρωθήσεται Πνεύματος
³ божиемъ словомъ	τῶν θείων λόγων – –	καὶ λόγον ἐρεῦξομαι
⁴ благъи вѣрѣи мѣдрѣ	τῆς εὐσεβείας, σοφέ,	τῇ Βασιλίδι Μητρί
⁵ драгъи вѣсѣрѣ	τὸν μαργαρίτην,	καὶ ὀφθήσομαι
⁶ кънигами блажене	γραφῶν τοῦ θείου νόμου	φαιδρῶς πανηγυρίζων
⁷ ѡзъикъи обогати	τὰ ἔθνη ἐπλούτισας	καὶ ἄσω γηθόμενος
⁸ божия закона.	– – μακάριε.	ταύτης τὰ θαύματα.

Нетрудно убедиться, что реконструируемый греческий текст, помещенный в третьем столбце, в основном легко вписывается в стихометрические рамки, заданные ирмосом, и совпадает со славянским в синтаксическом отношении, т.е. в

последовательности колонов. Продемонстрируем это на примере отдельных строк. Первая строка – Τῷ ἁγίῳ πνεύματι, отличающаяся от ирмоса местом ударения в первых словоформах, находит следующие соответствия в греческих тропарях, написанных на тот же ирмос: Ἐθετό σε Κύριος (MR), Ἰερῶς τὸν βίον σου, Ὑπερλάμπων σήμερον (АНГ)¹⁵. Второй колон полностью соответствует образцу. Третья строка, метрически напоминающая такой, например, греческий колон, как τῇ κτίσιν ὁ ἁρρήτως, остается незаконченной (не хватает двухсложного слова с ударением на предпоследнем слоге). Четвертая строка вновь соответствует ирмосу. Пятый колон, τὸν μαργαρίτην, отличающийся от образца местом ударения, тем не менее имеет ряд соответствий в других тропарях той же структуры: Βαρθολομαῖε, τοὺς καθημένους (MR), καὶ στρατιώτην, τοῦ παραδείσου, θεῖους ἀγῶνας, σαυτὸν ὡς θυμα, ὅθεν ἐν δύο, ταῖς τῶν εὐχῶν σου, Βαρθολομαῖε, παρατεμπόντων, καὶ ἀπελάυνων (АНГ). Шестой и седьмой колоны реконструируются с некоторыми отличиями от славянского, касающимися порядка слов, однако в строгом соответствии с ирмосом. Наконец, в последней строке не заполнено место для двухсложного слова (с ударением на первом или на втором слоге, ср., с одной стороны, ирмос, с другой – следующие колоны из MR: αἰτῷ βοήθειαν, ἡμᾶς οὐράνιον, Πατρὶ κηρύξαντα, σοφὲ Μητρόφανες).

Хотя предлагаемая реконструкция носит существенно предварительный и экспериментальный характер, думается, что сама возможность сравнительно легкого перевода со славянского на греческий свидетельствует именно о наличии *оригинального греческого текста*.

Для двух других тропарей 1-й песни восстановление первоначального текста и реконструкция греческих оригиналов затруднены, во-первых, значительной вариативностью в славянских списках канона, во-вторых, отсутствием в опубликованных греческих минеях таких песнопений, которые могли бы рассматриваться как непосредственные источники парафразирования.

Первый тропарь в древнейшем списке – Ил, 127v – выглядит следующим образом:

Въ чашю прѣмѣдрости · вѣствѣи ти
оустыи · приложъ напи|тъся · сѣснаго пыань-
ства · | разжмѣ же сѣтъ сѣ гави |а|зъикомъ · и
сектыра постѣкаж|ци всю льсть неприазниноу.

¹⁴ Ср. также в декабрьской минее: **извлѣкаъ кси чьстьныи божьствыи вѣсѣрѣ** (ἀνεῖλκυσας τὸν σελτὸν καὶ θεῖον μαργαρίτην) [73].

¹⁵ Ср. и другие отклонения от ритмической схемы, заданной ирмосом, в первых колонах ряда песней: Πέτρα στηριζόμενοι, Τρίτον ἀρνησάμενος, Ρῆξον τοὺς κλοιоὺς ἡμῶν, Θρόνω παριστάμενος (MR), Νόμου παρωσάμενοι, Ὅρος σε τεθέατο, Χάριν κομίσάμενος, Νέφη τῶν παθῶν ἡμῶν (АНГ).

Как с семантической, так и с грамматической точки зрения текст безукоризнен (или почти безукоризнен), чего, однако, нельзя сказать о стихометрии: если судить по пунктуации, оказывается, что тропарь состоит из шести колонов вместо восьми, требуемых ирмосом **Ѡврьѡж оустѧ** (*ᾠνοῖξω τὸ στόμα*), который выписан перед этим тропарем. Попытка уместить текст в структуру ирмоса дает вполне удовлетворительные результаты лишь в четырех строках из восьми, ср. (с раскрытием титл и восстановлением редуцированных):

1	Въ чашю прѣмѣдрости	7/7
2	в<о>ж<ь>ствѣнѣ ти оустѣнѣ	9/8–9
3	приложъ напитокѣса	7/7
4	с<ъ>паснаго пыанства	9/6–7
5	разжмѡмъ же	5/5–6
6	свѣтъ сѧ гави ѧзънкомъ	9/6–7
7	и сектыра постѣкажци	9/6–7
8	в<ь>сю лѣсть непригазинуоу.	9/6–7

То обстоятельство, что первые три колона в списке *Ил* идеально соответствуют слоговой структуре греческого ритмического образца, дает веские основания рассматривать их как отражение первоначального текста и интерпретировать варианты других списков, нарушающие стихометрическую структуру, как позднейшие искажения, обусловленные тем, что писцы не соотносили переписываемый ими текст с ирмосом и далеко не последовательно сохраняли интерпункцию оригинала. Так, явно вторична инновационная форма причастия **приложивъ**, отмеченная в ряде южнославянских списков начиная с XV в.; то же относится к представленному в тех же списках чтению **напоивса** (причастие) вместо **напитѣса**, лишаящему предложение предиката. Трудно признать первоначальным и прилагательное **прѣмѣдрост<ь>нѣ**, заменившее в тех же поздних списках очевидно исконную форму несогласованного определения **прѣмѣдрости**. Несколько сложнее с разночтениями, не нарушающими слоговой структуры: так, в частности, аорист **приложи**, зафиксированный в нескольких южнославянских списках начиная с XIII в., содержит столько же слогов, что и форма причастия **приложъ**; форме **напитѣса** (аорист с аугментом от глагола **напитиса**) в большинстве восточнославянских списков (начиная уже с XII в.) соответствует аорист **напитаса** от другого глагола – **напитатиса**, а в двух южнославянских списках (включая древнейший из них – *Гр*) – инфинитив **напитиса**. Выбор из нескольких вариантов определяется в этих случаях синтаксической структурой и семантикой всей синтагмы: совмещение форм **приложи** и **напитиса** (например, в списке *Гр*) создает ситуацию

незаконченного действия – получается, что Константин приложил уста к чаше премудрости, чтобы напиться, – без описания результата, причем обстоятельство цели выражено инфинитивом, что для древнейшего состояния исключено: после глагола, обозначающего целенаправленное действие, ожидался бы супин – **напитѣса**. С другой стороны, грамматически вполне безупречный аорист **напитаса** противоречит последующему контексту: объект, который Кирилл вкусил из чаши, во всех списках является напитком¹⁶, а лексическая сочетаемость “напитка” с глаголом **напитатиса** весьма сомнительна. Вторичность одинаковых чтений **прѣмѣдростнѣ**, **приложивъ** и **напоивса**, демонстрируемых списками *НБ902*, *НБ140*, *Л*, *НБ141*, *Вар*, *Поч*, явно восходящими к одному протографу, заставляет отвергнуть и еще один, весьма привлекательный вариант, представленный в тех же списках (кроме *Л*): вместо начальной предложно-падежной формы **Въ чашю** здесь читается **Къ чаши**, что в принципе соответствует обычному управлению глаголов на **при-** (сменившему исконную сочетаемость с беспредложным локативом и затем дативом). Однако стремление поздних списков к “идеальной”, но относительно поздней форме едва ли может перевесить единодушие большинства ранних списков, неизменно воспроизводящих странную для славянского синтаксиса конструкцию **приложити въ + вин. пад.**¹⁷ Именно эта странность, которую вряд ли можно приписать произволу переписчиков XI–XIV вв., и свидетельствует, на наш взгляд, в пользу первичности данного сочетания, использование которого указывает на не вполне свободное обращение автора со славянским синтаксисом, но в то же время находит соответствие в греческом, ср. следующий инципит одного из гимнов Романа Сладкопевца: *Ἐν τῷ κρατῆρι τοῦ θεοῦ τὰ χεῖλη προστελάσας* (TLG) – букв. ‘В чаше Бога уста приблизив’.

Приведенная греческая конструкция является отнюдь не единственной параллелью, подтверждающей реконструкцию начальных колонов тропаря именно в том виде, в каком они отражены Ильиной книгой (**Въ чашю прѣмѣдрости вѣствѣнѣ ти оустѣнѣ приложъ**). Уже А.В. Горский [18, с. 273] отметил сходство причастного оборота, открывающего тропарь, с византийской стихирой в честь Григория Богослова, ср.: *Τῷ τῆς σοφίας κρατῆρι προστελάσας τὸ τίμιον στόμα σου* (MR III 374) – букв. ‘К чаше мудрости приблизив честные уста свои’. В статье [65, с. 30] мы привели еще один инципит: *Κρατῆρι τῆς σοφίας*

¹⁶ Кроме бессмысленного варианта *Пан писання*.

¹⁷ В *С*, а также в *Л* – еще более странный оборот **Въ чаши**, совершенно необычный при глаголе **приложити**, выражающем направление.

σου προσπελάσας τὰ χεῖλη [74] – букв. ‘К чаше мудрости свои приблизив уста’. Помимо этого, в печатных минеях встречаются следующие конструкции с причастиями: σοφίας γάρ κρατῆρι τὸ στόμα σου ἐπιθείς; Τῷ τῆς σοφίας κρατῆρι προσαγών τὸ σὸν στόμα; κρατῆρι, πάνσοφε Νεῖλε, τῆς σοφίας τῷ καθαρῷ τὰ χεῖλη προσπελάσας; Σοφίας τῷ κρατῆρι πλησιάσας μυστικῶς τὰ χεῖλη σου (MR); Τῷ μυστικῷ κρατῆρι τὰ χεῖλη, ἄθλοφόρε, προσψάσας (АНГ). Таким образом, создатель кирилловского канона использовал в начале 1-й песни весьма расхожий образ греческой гимнографии, точнее даже – синтаксическое клише с инвариантной семантикой ‘приблизив уста (свои) к чаше (премудрости)’.

Четвертый колон, к сожалению, не поддается однозначной реконструкции. Как мы видели, вариант *Ил* – **сѣснаго пыаньства** – на два слога превышает допустимый размер. Чтение *С* и ряда других списков, с нестяженной формой **сѣпасенаго**, еще более увеличивает этот разрыв, тогда как вариант **питниа**, зафиксированный в письменной традиции начиная с *В* и *Гр* (совпадение одного из древнейших восточнославянских и наиболее раннего южнославянского списка представляется весьма знаменательным), – сокращает. Поскольку существительное **пианьство** выражает процесс (‘пьянство’) или состояние (‘опьянение’)¹⁸, сочетаемость его с глаголом, обозначающим насыщение жаждущего, трудно признать нормальной, – в то время как *figura etymologica* **напитъся питниа**, напротив, и семантически, и стилистически полностью соответствует требованиям жанра. Объяснение для странного варьирования **пыаньства** – **питниа** следует, возможно, искать в языке оригинала: допустимо предположить, что указанная вариативность возникла на славянской почве вследствие смешения греческих паронимов *ποτοῦ* ‘питья’ и *πότου* ‘пьянства’. В итоге, как нам представляется, удовлетворительная реконструкция рассматриваемого колона должна основываться, во-первых, на восстановлении нечленной формы прилагательного – **сѣпасьна**, во-вторых, на принятии варианта **питниа**. Получающийся в результате колон **сѣпасьна питниа** не только изосиллабичен греческому колону *τῇ Βασιλίδι Μητρί*, но и сохраняет конечное ударение ирмоса, т.е. соблюдает гомотонию.

Следующая синтагма – **разжмѡмъ же свѣтъ сѧ ѡви ѡзъкомъ** – в *Ил* не поделена на колоны и на два слога превышает соответствующий текст ирмоса. В *С* после частицы **же** стоит точка, что создает необходимый изосиллабизм колона с тек-

стом ирмоса (5 слогов), однако в шестом колоне предикат вначале был вообще пропущен и затем приписан на поле: **ѡви**, что отчасти восстановило смысл, но нарушило изосиллабизм (строка **свѣтъ ѡзъкомъ** лучше укладывается в структуру стиха, нежели **свѣтъ ѡви ѡзъкомъ**). Без **сѧ** глагол выступает также в *Гр* (с заменой аориста на причастие наст. времени: **ѡвлѣѡ**), причем в обоих случаях утрата энклитики сопровождается существенным переосмыслением всей ситуации – Кирилл уже не “явился светом”, а “явил/являет свет” (в *Гр* переход от предикативного к объектному статусу “света” маркируется изменением формы существительного: вместо имен. пад. **свѣтъ** – род. пад. **свѣта**). В 11 списках (начиная с *Т104*) конструкция с энклитикой, примыкающей к предшествующему полноударному слову, – **свѣтъ сѧ (ѡви)** – искажена в **свѣтасѧ (ѡви)**, т.е. **сѧ** не только фонетически, но и лексически отнесено к предшествующей словоформе, переосмысленной вследствие этого как глагол **свѣтѣтисѧ**; однако те же списки (за исключением *Т104*) компенсировали происшедшую “дереклексивацию” **ѡвитисѧ** тем, что ввели в текст второе **сѧ**, на сей раз уже после глагола, в контактной постпозиции – **ѡвисѧ**. Думается, показания древнейших восточнославянских списков, как и искаженное **свѣтасѧ**, свидетельствуют в пользу изначальной постановки **сѧ** перед глаголом, после первого полноударного слова тактовой группы (см. [76]) – **свѣтъ сѧ ѡви**. В таком случае граница между колонами проходила после тактовой группы, но внутри возвратного глагола: **разжмѡмъ же свѣтъ сѧ · ѡви ѡзъкомъ**, а слоговая структура пятого колона отклонялась от ирмоса: 8 слогов вместо 5–6; при реконструкции исходного текста, возможно, следует принять во внимание отсутствие **же** в ряде южнославянских списков начиная с *Гр*.

Седьмой колон (**и секъѣра постѣкажци**) выписан одинаково практически во всех списках¹⁹, за исключением варианта, представленного в весьма дефектном списке *Хл164*: **сѣкоуцы**. Однако именно этот вариант позволяет восстановить в строке число слогов, предписываемое ирмосом, – 7.

Наконец, последний колон обнаруживает вариативность в передаче местоимения: на месте варианта **всю**, представленного в *Ил*, большинство восточнославянских списков и ряд южнославянских демонстрируют форму **всѧкоу**, а в *Гр*, *Ск*, *З*, *Хл152*, *Р* этой лексемы вообще нет. Поскольку и **всю**, и тем более **всѧкоу** существенно нарушают слоговую структуру колона, кажется

¹⁸ Значение ‘опьяняющий напиток’ регистрируется лишь с конца XV в. (Геннадиевская Библия 1499 г.) [75, вып. 21, с. 88].

¹⁹ В *Пал* приставка **по-** заменена на **прѣ-**.

возможным и в этом случае вновь прислушаться к показаниям старейшего южнославянского списка.

В итоге мы можем предложить следующую реконструкцию первого тропаря 1-й песни:

1	*Въ чашѣ прѣмѣдрости	7/7
2	божѣствьнѣ ти оустѣнѣ	9/8–9
3	приложѣ напитѣся	7/7
4	спасѣна питиѣ	7/6–7
5	разоумомъ (же) свѣтъ сѣ	7–8/5–6
6	ѣви ѣзѣкомъ	6/6–7
7	и секѣра сѣкѣци	7/6–7
8	льстѣ неприѣзѣнѣ	7/6–7

– и перевод: ‘К чаше премудрости приложив свои боговдохновенные уста²⁰, ты напился спасительного пития, разумом же явился как свет для чужеземцев и секира, поражающая дьявольскую прелесть’.

Что же касается гипотетического греческого оригинала, то на нынешней стадии исследования допустимо лишь восстановление некоторых слов и оборотов, в частности, для 1-го колона – начальной формы Κρατήρι, для 4-го – τοῦ σωτηρίου ποτοῦ, для словосочетания свѣтъ... ѣзѣкомъ – φῶς ἐθνῶν (ср. Ис 49.6, Лк 2.32), для 7-го и 8-го колонов – καὶ ὁξίνῃ τέμνουσα (κόλτουσα) * τὴν πλάνην τοῦ πονηροῦ²¹.

Значительные затруднения вызывает установление исходного текста в т о р о г о тропаря, который в *Ил* (127v) имеет следующий вид:

Просвѣщѣ ѣко свѣтило тѣ · свѣто|давьцѣ вѣтъ
нашѣ · всѣмѣ ми|рѣ ѣви оучитѣлѣ · и посѣла тѣ
| оучитѣ тѣмьныхѣ · книгѣмѣ | закона · ѣзѣкѣ
западныхѣ.

При попытке уложить этот текст в прокрустово ложе схемы, диктуемой ирмосом, мы сталкива-

емся с отклонениями от образца в трех колонах – первом, третьем и восьмом, ср.:

1	Просвѣщѣ ѣко свѣтило тѣ	9/7
2	свѣтодавьцѣ в<о>гѣ нашѣ	9/8–9
3	в<ь>сѣмѣ ми рѣ	5/7
4	ѣви оучитѣлѣ	6/6–7
5	и посѣла тѣ	5/5–6
6	оучитѣ тѣмьныхѣ	7/6–7
7	к<ъ>нигѣмѣ закона	7/6–7
8	ѣзѣкѣ западныхѣ.	8/6–7

Полное единодушие всех списков в закреплении энклитики за первым колоном удерживает нас от переноса тѣ, например, в третью строку, где наблюдается явная нехватка слогов; регулярное использование членной формы прилагательного западныхѣ ‘расположенный на западе’ в старославянских и древнерусских памятниках (ср. [78; 68, s. v.]) также не позволяет сократить число слогов в последнем колоно. В то же время изолированное чтение *Гр* – свѣтодавьцѣ хѣбѣ нашѣ – и представленное в ряде списков разночтение всѣмѣ в соответствии с всемоу мироу²² дают основания для пересмотра границ между 2-м и 3-м колонами, восстанавливающего изосиллабизм, ср.:

2	свѣтодавьцѣ христосѣ	8/8–9
3	богѣ нашѣ всѣмѣ	7/7
4	ѣви оучитѣлѣ	6/6–7

В 6–8-м колонах обращает на себя внимание переход от род. падежа (оучитѣ) тѣмьныхѣ (закономерного в славянском при супине) к вин. падежу ѣзѣкѣ западныхѣ, по-видимому, обусловленный ориентацией на греческий источник – при контактном расположении актанта славянский книжник придерживался славянской грамматической нормы, однако в дистантной постпозиции сохранил греческий аккузатив (ср. гипотетическую реконструкцию греческого: *διδάσκειν τὰ ἐν σκότει... ἔθνη τῆς δύσεως).

²⁰ Отнесенность определения божѣствьнѣ не к прѣмѣдрости (дат. пад. ед. ч.) (‘К чаше Премудрости Божией’ [18, с. 273]), а к оустѣнѣ (вин. пад. дв. ч.) явствует из позиции энклитики ти (как отмечал уже П.С. Казанский, к этому заключению приводят ‘правила славянского словосочетания’ [27, с. 300]): согласно закону Вакернагеля она примыкает к первому ударному слову синтагмы и, следовательно, божѣствьнѣ принадлежит к иной синтагме, нежели прѣмѣдрости. Относительно семантики ср. греч. θεῖος в значении ‘боговдохновенный’ [77, s. v.], божѣствьнѣ ‘применительно к людям’ [68, т. I, с. 282–283].

²¹ Ср. MR II 23: Ἡ πενταφεγγὴς τῶν ἀθλητῶν λαμπρὰς ὡς ἐν δρυμῶ ξύλων ὁξίνῃ δαυτικῶς ἐξεκοψε τὴν πλάνην τοῦ ἐχθροῦ; с точки зрения ритма в 8-м колоно ср. завершение одного из тропарей в MR: Εὐνίκη τε καὶ Φωκάς.

²² Показательно, что в *Ил* форма ед. ч. всѣмѣ написана с ошибочным ѣ вместо е в других списках, сохраняющих это словосочетание; не исключено, что писец имел перед глазами мн. ч. всѣмѣ и лишь в ходе переписывания заменил его на формулу всѣмѣ ми|рѣ.

В целом второй тропарь 1-й песни допускает следующую реконструкцию:

1	*Просвѣщъ ꙗко свѣтило тѣ	9/7
2	свѣтодавьць христосъ	8/8–9
3	богъ нашъ въсѣмъ	7/7
4	ѧви оучителя	6/6–7
5	и посъла тѣ	5/5–6
6	оучитъ тѣмныхъ	7/6–7
7	кѣнигами закона	7/6–7
8	ѧзыкы западныхъ	8/6–7

– т.е. ‘Светодавец Христос, Бог наш, наделив тебя светом как светило, явил всем учителя и послал тебя учить книгами закона темные народы Запада’²³.

Таким образом, все четыре тропаря 1-й песни канона Кириллу Философу без особых отклонений соответствуют образцу, заданному греческим ирмосом Ἀνοίξω τὸ στόμα μου.

2.2. Иная ситуация обнаруживается при обращении к третьей песни²⁴. В большинстве славянских списков перед песнью выписан инципит ирмоса **Съ въсѣмъ сѣниде** (Ἀφ’ ὧνους κατήλθες – ЕЕ 95)²⁵, однако в южнославянских списках XV–XVII вв. фигурирует совершенно иной ирмос: в *НБ902*, *НБ140*, *НБ141*, *Вар*, *Поч* – **Твоѧ пѣсно-словьца богородице**, а в *Л* – **Твоѧ пѣвца вѣ**, причем последний вариант, несомненно, восходит к древнейшему переводу ирмоса, который метрически соответствует оригиналу (**Твоѧ пѣвца богородице**/Τοὺς σοὺς ὑμνολόγους, Θεοτόκε – ЕЕ 100) и представлен, в частности, в *Ил* в трех канонах 4-го гласа, так же как и канон Кириллу начинающихся с песни на ирмос **Вѣрьжъ оуга моѧ**, – а именно в канонах Димитрию Солунскому²⁶, евангелисту Матфею и Успению Богородицы.

Первый же тропарь 3-й песни, как мы уже пытались показать [65, с. 40–41; 63, с. 25–26], демонстрирует разительное сходство с одним из тропарей третьей песни византийского канона св. Павлу Исповеднику, написанной на ирмос Τοὺς

σοὺς ὑμνολόγους: параллели между этим и некоторыми другими тропарями греческого канона, с одной стороны, и рядом тропарей канона Кириллу Философу – с другой, отнюдь не ограничиваются “художественными заимствованиями” [56, с. 331], но затрагивают широкий спектр лексических, морфологических, синтаксических и стихометрических сходжений. Обращает на себя внимание тот факт, что интерпункция всех ранних списков (в том числе *Гр*) исключает возможность соотнесения данного песнопения с ирмосом Ἀφ’ ὧνους κατήλθες (где в первом колоне 6 слогов): первая точка, указывающая на границу колона, везде стоит после формы **ѧзыкомъ**, и тем самым длина первого стиха – **Словомъ и срьдьцемъ и ѧзыкомъ** – превышает ирмос Ἀφ’ ὧνους κατήλθες более чем в два раза. Правда, и в структуру ирмоса Τοὺς σοὺς ὑμνολόγους, Θεοτόκε (10 слогов) эта строка вписывается далеко не идеально, однако различие между 13 и 10 слогами безусловно следует предпочесть различию между 13 и 6.

Не повторяя здесь проведенного нами ранее сопоставления между тропарем кирилловского канона и тропарем византийского канона в честь Павла Исповедника, а также аргументации в пользу тех или иных разночтений, подчеркнем сейчас лишь то обстоятельство, что не только первые четыре стиха, прямо соответствующие канону в честь св. Павла, но и последние два построены на формульных оборотах греческой гимнографии. Этот факт также дает некоторые основания для предположения о наличии греческого текста, промежуточного между парафразируемым каноном и службой Кириллу. Реконструкция этого текста приводится в последнем столбце помещенной далее таблицы (во втором столбце перепечатывается текст из канона св. Павлу, в четвертом – уточненная по сравнению с [65, с. 45] реконструкция кирилловской службы):

1	Στόματι καρδίᾳ τε καὶ γλώσση	10/13	*Словомъ и срьдьцемъ и ѧзыкомъ	*Στόματι καρδίᾳ τε καὶ γλώσση
2	σοφίαν καὶ δύναμιν Θεοῦ	9/9	христа проповѣда вожнѧ	Χριστὸν σὺ ἐκήρυξας Θεοῦ
3	καὶ Λόγον ἐνυπόστατον	8/8	прѣмждрость же и силѧ	σοφίαν δὲ καὶ δύναμιν
4	σὺ τὸν Χριστὸν ἐκήρυξας,	8/8	и слово вѣплѣщшесѧ	καὶ Λόγον σεσαρκωμένον (?) ²⁷ ,

²³ Ср. перевод А.В. Горского, корректно передающий текст Синодального списка [18, с. 278]: “Светодавец Бог наш, наделив тебя светом, как светило, явил в тебе учителя всему миру и послал тебя учить писаниям закона темные народы запада”.

²⁴ Как и в большинстве византийских и славянских канонов, вторая песнь в службе Кириллу отсутствует.

²⁵ Заметим, что это очень редкий ирмос: в MR он не применяется ни разу, в PaR – дважды, а в прочих гимнографических текстах, отраженных в TLG, – один раз (АНГ).

²⁶ Напомним, что этот канон считается древнейшим созданием славянской гимнографической поэзии.

²⁷ Форма метрически не соответствует образцу (ударение не на третьем, а на втором с конца слоге).

⁵ Παύλε θεόφρον, ὅσιε, ⁶ τὸν δυσμενῆ φαυλίσας Ἀρειον.	8/8(11)(БЛАЖЕНЕ) СТРОУНАМИ ПРИТЪЧЬНАМИ 9–11/9 ОУДАВИ/ОУДАВАЪ ТРИАЪЗЪЧЬНИКЪ	νευροῖς ῥημάτων (?), ὅσιε, τοὺς τριγλωσσίτας ἀπληχόνισας.
---	---	--

В пользу наличия греческого оригинала в данном случае свидетельствует, по нашему мнению, форма **БЛАЖЕНЕ**, вопиющим образом нарушающая словую структуру 5-го колона: включение ее в текст тропаря объяснимо только если исходить из наличия соответствующей лексемы в оригинале (ср. передачу ὅσιε равносложной формой **БЛАЖЕНЕ** в Ильиной книге [58, с. 42]). Опираясь на стихометрический критерий и исходя из текста – источника парафразирования, мы приходим к выводу о необходимости эмендации во втором колона: синтагма **ХРИСТА СЫНА БОЖИНА ПРОПОВѢДА**, представленная практически во всех списках Службы и насчитывающая 11 слогов (в отличие от 9, требуемых ирмосом), содержит констатацию очевидного, и трудно представить себе, чтобы создатель канона Кириллу приписал ему проповедь того, что Христос – Сын Божий. Более логично и метрически менее уязвимо предположение о наличии в первоначальном тексте, в соответствии с заключительной формой греческого колона, притяжательного прилагательного, определявшего перенесенное в следующий колон существительное **ПРѢМЪДРОСТЬ**. Именно эта разнесенность определяющего и определяемого по разным колонам обусловила, вероятно, последующее соотнесение посессива с формой **ХРИСТА**, их формальное уподобление и, наконец, вставку ставшего необходимым второго существительного – **СЫНА**.

Для реконструированного тропаря можно предложить следующий перевод на современный язык: ‘Словом и сердцем и языком ты проповедал Христа – Божью премудрость и силу и Слово воплощенное, блаженный, струнами притч удавив триязычников’.

С л е д у ю щ и й т р о п а р ь в *Ил* (128r) разделен на семь колонов:

ЦѢВЬНИЦА ПРИТЪЧЬНА · СѢА ВЪ ИСТИНѢ ·
ІАВИСА БЛЖНЕ К҃РИЛЕ · | ГЛАМЬ СПСЬНА · СѢИМЪ
ЗВОУКОМЪ ДХОВНЫМЪ · БРАЦАТА | КРАСНО · СНА
ЪГАНѦКШИ.

Начало этого тропаря вновь основывается на топосе византийской гимнографии – сравнении святого с цевницей, ср. Λύρα θεῖα ὡφθης ἀληθῶς (MR II 213), Λύρα τοῦ Πνεύματος, Κύριλλε, γέγονας, ἱερώτατε (AHG I 99), Λύρα τοῦ πνεύματος ὄντως καὶ κειμήλιον μέγα ἐδείχθης (AHG IV 114); Λύρα ὡφθης πνεύματος, ἀναφώνων ἡμῖν δόγματα θεοπρεπῆ (AHG VIII 341); Λύρα τοῦ πνεύματος

τῆς ἐκκλησίας πρὶν ὁ διώκτης δειχθεῖς (AHG X 288) и др. Традиционность зачала песнопения и отсутствие сколько-нибудь значимых вариантов в других рукописях позволяют без труда реконструировать текст первых колонов, текстуально совпадающий с древнейшим списком, но соответствующий отнюдь не ирмосу **СѢ ВЪСОТЪ СѢНИДЕ** (‘Αφ’ ὕψους κατήλθες), выписанному в *Ил*, а ирмосу Τοὺς σοὺς ὑμνολόγους, Θεοτόκε, ср.:

1	*ЦѢВЬНИЦА ПРИТЪЧЬНА СЕАТА	10/10
2	ВЪ ИСТИНѢ ІАВИСА БЛАЖЕНЕ.	10/9

Дальнейший текст, однако, не поддается столь однозначному истолкованию. Во-первых, имя блаженного (**К҃РИЛЕ**) не укладывается в метрические рамки 2-го и 3-го колонов, диктуемые ирмосом Τοὺς σοὺς ὑμνολόγους. Во-вторых, на месте обособленного определения **ГЛАМЬ СПСЬНА** (т.е. **ГЛАСОМЪ СЪПАСЬНА**), представленного в *Ил*, в списке *Гр*, если судить по изданию В.И. Григоровича [21, с. 245], читается объектная группа, зависящая от глагола **БРАЦАТИ**, – **ГЛА НАМЪ СПСННА**, что побудило П.С. Казанского [27, с. 301] к выводу: “Слова синод. списка: *гласомъ спасена* – очевидно должны быть заменены словами списка Григоровича: *гласъ намъ спасения*”; чтение Григоровича воспроизведено и в перепечатке П.А. Лаврова [29, с. 118], и в обобщающей монографии Б. Мирчевой [45, с. 130], и в коллажи разночтений к Ильиной книге [58, с. 562]. Однако обращение к рукописи *Гр* (л. 2r) показало, что конструкция “гласъ намъ спасения” является фикцией – ошибкой первого издания²⁸: в действительности после **НАМЪ** следует форма **СПСНА**, и тем самым титул в написании **ГЛА** (отмеченном и в списках *Ск* и *Хл152*) следует раскрывать иначе, чем это сделано у Казанского, а именно в соответствии со списками *З* и *Хл166*, где читается форма род. пад. **ГЛАСА**, от которой и зависит определение **СПСНА**. При таком чтении оборот ***ГЛАСА НАМЪ СЪПАСЬНА... БРАЦАТА**, хотя и несколько противоречащий ожидаемому при глаголе **БРАЦАТИ** аккузативному управлению²⁹, обнаруживает параллелизм с

²⁸ К сожалению, приходится заметить, что публикация В.И. Григоровича, столь некритично воспринимаемая позднейшими исследователями, содержит целый ряд ошибок, как-то: **СЛОВЕНЬСКОМОУ** вм. **СЛОВѢНСКОМОУ**, **МЖДРОСТИЖ** вм. **МЖДРСТНЖ**, **ИСПЛНЕНЪ** вм. **ИСПЛНЕНЬ**, **НАШЪ** вм. **НАШЬ**, **СНМЪ** вм. **СННМЪ**, пропуск **ТА** в богородичне 8-й песни, **ЖЕ** – в третьем тропаре 9-й песни, произвольное раскрытие титл и др.

²⁹ Ср.: **доброгласнымъ языкомъ быхомъ бряцали** беспрестани *хвалу* его. Палея Толк.¹, 165. 1406 г. [75, вып. 1, с. 343]; **Державин и Петров героямъ песнь бряцали** Струнами громозвучных лир (Пушкин. Воспоминания в Царском Селе). Ср. в то же время употребление род. пад. при *verba efficiendi* в (древне)русско-церковнославянских памятниках [79, с. 183].

греческими контекстами типа *Λύρα ὡφθης τὸ σωτήριον, πανόλβιε, μέλος φωνοῦσα ἡμῖν*³⁰ (MR II 268), ἡ λύρα φωνοῦσα μέλος σωτήριον δογμάτων ὀρθοδόξων πᾶσιν ἡμῖν (MR II 408); *Λύρα ὡφθης τοῦ Πνεύματος δόγματα φωνοῦσα, πάτερ, σωτήρια* (ANG VIII 203), содержащими эпитет “спасительный” при существительных “напев”, “учения”, которые зависят от глагола “возглашать”. Правда, реконструкция указанного оборота для первоначального текста на первый взгляд затрудняется тем, что между глаголом (*бръцаѣмъ*) и относящейся к нему объектной группой находится обстоятельственный уточнитель, который в древнейшем списке (*Ил*) выглядит как *стѣмъ зѣвоѣкомъ дѣховѣнымъ* и в последующих рукописях не подвергся заметным изменениям. С точки зрения современного языка конструкция “бряца гласом” производит впечатление несколько искусственной, однако с учетом того обстоятельства, что существительное *гласъ* могло означать не только ‘голос’, но и ‘речь, слово, слова’ (φωνή, ῥήσις, ῥήμα, ῥήματα [78, 1, с. 401; 75, вып. 4, с. 30; 68, т. II, с. 328]), этот оборот вполне может быть признан восходящим к оригиналу тропаря. Осуществляя выбор между данной конструкцией и чтением большинства списков (*гласомъ съпасаѣна* ‘приносящая спасение <своим> гласом’), следует, по-видимому, основываться на *tertium comparationis* – греческих параллелях – и предпочесть вариант, представленный в древнейшем южнославянском списке (*Гр*). Думается, что искажение первоначальной конструкции *гласа намъ съпасаѣна* произошло в результате сокращенного написания первой лексемы (с которым мы и сталкиваемся в списках *Гр, Ск и Хл152*) и гаглографического соединения **г̃ла намъ* в *г̃ла̃мъ*, причем форма *сп̃сна*, не изменившись, подверглась грамматическому переосмыслению – как определение к *Цѣвѣница*, а не к *гласа*³¹.

Реконструируемое словосочетание *гласа намъ съпасаѣна* идеально вмещается в метрическую структуру третьего колона (8 слогов), а следующие далее строки из стихометрических соображений восстанавливаются нами с двумя разными формами прилагательных – нестяженной и стяженной (в *Ил* обе формы стяженные, в *С, Т104, В* обе нестяженные):

4	<i>сѣатѣмъ зѣвоѣкомъ</i>	7/8
5	<i>доѣховѣнымъ бръцаѣмъ</i>	8/8

³⁰ В [58, с. 562] ошибочно напечатано ἡμῶν.

³¹ Впрочем, в нескольких поздних списках и это прилагательное подверглось искажению – *съ пѣсньми* (!) (*НБ141, НБ902, НБ140, Поч*), *пѣ(с)ми* (*Л, Вар, Р*).

Наречие, зависящее от причастия *бръцаѣмъ*, по разным спискам фигурирует либо с приставкой (*Гр, Ск, Хл152, Хл166, Р прѣкрасъно*), либо без приставки (в большинстве списков – *красъно*). Метрические требования и в данном случае заставляют предпочесть вариант самого раннего южнославянского списка – *Гр*.

Последняя синтагма демонстрирует в письменной традиции тропаря трудно согласуемые разночтения. В самом деле, если колебания между род. пад. *съна* (*Ил* и ряд других списков) и вин. пад. *сънѣ* (*Т104, НБ902, Л, НБ141, Вар, Пог, Поч*) укладываются в рамки обычной для славянского синтаксиса аккузативно-генитивной вариативности (см. [79, с. 182–183]), то вариант *Гр льсть* никак не сводим ни к тому, ни к другому чтению. Изолированность заставляет интерпретировать его как осуществленную по произволу писца замену *lectio difficilior* на *lectio facilior*: “отогнание” лести (бесовской прелести, обмана) – безусловно более частотный образ гимнографии, нежели “отогнание” сна: так, в АНГ форма *ὑπνον* встречается в разных контекстах (разумеется, не только связанных с “отогнанием”) 23 раза, тогда как *πλάνην* – 175; ср. завершение двух тропарей, начинающихся сравнением святого с цевницей: *Λύρα τοῦ Πνεύματος, Κύριλλε, γέγονας, ἱερώτατε... λυχνία τε λαμπροτάτη, τὸν τῆς πλάνης σκοτασμὸν ἀπελαύνουσα* (АНГ I 99) – ‘...тѣму лести прогоняющая’; *Λύρα ὡφθης τοῦ Πνεύματος δόγματα φωνοῦσα... τὴν δυσώδη πλάνην ἀφανίζοντα* (АНГ VIII 203) – ‘...смердную лѣсть уничтожающие’. Поскольку обратная “сознательная замена” – переход от обычной “лести” к неординарному “сну” (ср. [27, с. 301]) – кажется немыслимой, мы восстанавливаем для исходного текста форму *съна*, зафиксированную в древнейших списках и достаточно правомерную при глаголе с приставкой *отѣ-*. Несмотря на сравнительную редкость этого образа, мы все же можем привести из АНГ несколько контекстов, в которых Богородица и святые отгоняют (призываются отогнать) от верующих сон (сон души, сон лени): *Ὑπνον ἀποσώβησον πάντα ἐκ τῶν ψυχῶν, θεογεννήτορ, τῶν σὲ ἀνυμνοῦντων ἀπαύστως; Τῆς ῥαθυμίας τὸν ὑπνον ἀπώσάμενος, γέγονας, ὅσιε, ἀκοίμητον ὄργανον; ἤλασας ἀπὸ ψυχῆς ὑπνον ῥαθυμίας; Ὑπνον τῆς ψυχῆς μου καὶ ὀκνον ἀποσώβησάσα, παρθένε.*

Приведенные выше параллели из АНГ I 99 и АНГ VIII 203 содержат, как явствует из переводов, причастные обороты; этот факт дает основания выбрать среди многочисленных вариантов, засвидетельствованных списками тропаря, именно те, в которых представлены причастия, и, соответственно, отвергнуть при реконструкции финитные формы (*Ил ѿганаѣши; С, Т98 -аше, Т104 -аше; Т105 ѿгонаше; Пан -неци; Пог ѿгони-*

ши; *Гр* прогналь еси; *Z* проганѣаше; *Хл166* проганѣше; *Хл152* прогна). Однако и выбор между причастиями не однозначен: в списках *НБ902*, *НБ140*, *Л*, *НБ141*, *Вар*, *Поч* (XV–XVII вв.) выступает форма *Ѡганѣа*, в *Др*, *Пал* (XIII–XIV вв.) – *Ѡгона*, в *Р* (XV–XVI вв.) – *прогнавь*. Учитывая, что среди этих форм именно *Ѡгона* – т.е. причастие настоящего времени от глагола совершенного вида – является особенно архаичной (ср. неоднократные образования подобного типа в Ильиной книге: *Ѡгона*, *Ѡгонаца*, *Ѡгонаци*, *прогона*, *прогонаць* и т. п. [58, с. 780, 809]) и в южнославянской традиции тропаря встречается раньше, чем другие причастия, мы, думается, можем восстановить ее для исходного текста, который, таким образом, приобретает следующий вид (в третьем столбце справа указано число слогов в тропарях, написанных на ирмос *Τοὺς σοὺς ὑμνολόγους*):

1	*Цѣвьница притѣчна свѣта	10/10
2	въ истинѣ ѡвнса блажене кѣриле	13/9
3	гласа намъ съпасна	8/8
4	свѣтъимъ звжкомъ	7/8
5	доуховнымъ брацама	8/8
6	прѣкрасно съна отъгона	10/9–11

– т.е. ‘Ты воистину явился святой цевницей притч, блаженный Кирилл, прекрасно возглашая нам святыми духовными звуками спасительные слова, отгоняя сон’.

Предложенная реконструкция противоречит ирмосу только в одном пункте: обращение к святому, согласно совместным показаниям всех списков, состоит из двух словоформ, что приводит к удлинению второго колона на три слога. Вариативность в этой позиции сводится лишь к трем изолированным чтениям – в соответствии с повсеместно представленной атрибутивной группой *блажене кѣриле* списки *Хл166*, *Поч* демонстрируют перестановку слов (*кѣриле блажене*), *Ск* – ап-позитивное сочетание *ѡѣ кириле*, а в *Др* на месте *блажене* фигурирует форма *блже*. Инвариантность имени (*кѣриле*)³² и почти свободное от колебаний использование атрибута позволяют предположить, что нарушение изосиллабичности в первоначальном тексте определялось наличием обеих форм обращения в греческом оригинале. Однако попытка реконструировать греческий текст на ирмос *Τοὺς σοὺς ὑμνολόγους* с сохранением соответствий для всех лексем славянского текста приводит к неудаче – любое двучленное обращение (например, *μάκαρ Κύριλλε* или *ὅσιε Κύριλλε*) оказывается чрезмерно длинным для

того, чтобы уместиться в строгие рамки ирмоса, ср.:

1	*Цѣвьница притѣчна свѣта	10/10	*Λύρα παραβολικὴ ἁγία,
2	въ истинѣ ѡвнса блажене	10/9	μακάριε, ὡφθης ἀληθῶς
3	гласа намъ съпасна...	8/8	φωνὴν ἡμῖν σωτήριον...

Изменение ирмоса – с *Τοὺς σοὺς ὑμνολόγους* на *Ἄφ’ ὕψους κατήλθες* – решает проблему двучленного обращения, но создает новую – нарушение изосиллабизма в первом колоне; не вполне удовлетворительно реконструируется в этом случае и греческий оригинал, ср.:

1	*Цѣвьница притѣчна	8/5–6	Ἄφ’ ὕψους κατήλθες	*Λύρα παραβολῶν ³³
2	свѣта въ истинѣ	6/6–7	βουλήσει ἐπὶ γῆς	ἁγία ἀληθῶς
3	ѡвнса блажене кѣриле	9/8–9	ὁ ὑπεράνω πάσης ἀρχῆς	ἐδείχθης, μάκαρ Κύριλλε,
4	гласа намъ съпасна	8/8–9	καὶ ταπεινὴν ἀνύψωσας	φωνὴν ἡμῖν σωτήριον...
5	свѣтъимъ звжкомъ	7/6–7	ἐξ ἄδου κατωτάτου	
6	доуховнымъ	5/5	φύσιν βροτείαν	
7	брацама прѣкрасно	7/7	οὐ γὰρ ἔστιν ἅγιος	
8	съна отъгона.	6/6	πλὴν σου, φίλάνθρωπε.	

Выход из этой ситуации видится нам в следующем направлении: допустимо предположить, что тропарь, первоначально написанный на ирмос *Τοὺς σοὺς ὑμνολόγους*, уже на ранней стадии бытования, в связи с переориентацией всей песни на ирмос *Ἄφ’ ὕψους κατήλθες*, был подверстан под структуру этого ирмоса, для чего и потребовалась вставка в текст дополнительного слова *кѣриле*, обеспечивавшего изосиллабизм в третьем колоне.

Третий тропарь 3-й песни отсутствует в трех списках (*Ил*, *Z* и в *НБ895*, где текст сохранился лишь с 6-й по 9-ю песнь), а в остальных ру-

³² Фонетико-графические варианты (*кѣриле*, *кириле*, *кѣриле* и т. д.) здесь, разумеется, во внимание не принимаются.

³³ В немногочисленных тропарях, написанных на ирмос *Ἄφ’ ὕψους κατήλθες*, в первой строке ударение на последнем слоге встречается только в тех случаях, когда строка состоит из 5 слогов, ср.: *Ῥύττεται βροτῶν* (PaR 281), *Ἐρωτος θερμοῦ* (PaR 294).

копиях демонстрирует весьма сходные чтения, ср. текст древнейшего списка – С (л. 106v):

О о҃мѣ огньнѣ · о гласѣна тро҃уба · о сла҃вно ꙗ҃снѣннѣ · о ластавице гла҃голива · о ꙗ҃з҃ыче сла҃жнѣ мѣдоу | въ прѣтѣцахѣ · к҃ѣриле премоу҃дре въса нѣ помани.

Важнейшие разночтения сводятся к следующему: во многих списках, начиная уже с XII в., отсутствует начальное междометие **О** (*T104*, *T98*, *T105*, *Пан*, *Хл152*, *Хл166*, *Хл164*); в южнославянских списках эпитет к **о҃мѣ** фигурирует преимущественно в членной форме – **огньнѣннѣ**; второе обращение, которое в *С* явно ошибочно имеет форму имен. пад., в подавляющем большинстве списков выступает в вокативе – **тро҃убо**; определение к этому слову представлено, пожалуй, наибольшим количеством вариантов: помимо изменения в форме (**гласѣна**), зарегистрированы также композиты – *Гр* **доброгласна**, *Ск*, *Л*, *Вар* **б҃гогласна** (в *НБ902*, *НБ140*, *НБ141*, *Поч* с членным окончанием – **б҃гогласнаа**), *Хл164* **многогласнаа**, *Пог* **велегласна**; сама вариативность этих сложных эпитетов, по нашему мнению, указывает на их вторичность и произвольность по сравнению с исходным простым определением, видимо, не устраивавшим писцов своей кажущейся безоценочностью; не исключена, однако, и ориентация южнославянских книжников на разные греческие образцы. Третье обращение в большинстве списков отражает иной вокализм суффикса – **ластовице** (ср. такой же вокализм в двух цитатах, приведенных в [78, s. v.])³⁴; определение к нему, помимо членной формы (**гла҃голива**), встречается также в виде композитов – *Гр*, *Др* **златогласнаа**, *Ск* **доброгласнаѣ**, *Ц* **б҃гогласнаа**. Сравнительная степень, имеющая в древнерусских и ряде среднеболгарских и сербских списков исконную форму **слажнѣ/слажнѣннѣ**, в некоторых южнославянских рукописях демонстрирует различные инновационные преобразования: *Ск* **слажѣннѣ**, *Др*, *Л*, *Поч* **сладчаѣ**, *НБ902*, *НБ141*, *Вар* **сладчаннѣ**, *Хл166* **сладши**, *Хл164* **слажѣши**, *НБ140*, *Ц* **сла҃чаниши** (ср. [80]); переход от исконного *и-основного склонения к *о-основному отражает чтение **меда**, зарегистрированное в южнославянских списках, в отличие от исконного **мѣдоу**, сохраненного древнерусскими списками. Префиксальное прилагательное **премоу҃дре** в нескольких среднеболгарских и сербских списках выступает без приставки: **мѣдре**, а в списке *Л* вновь фигурирует композит – **б҃гомѣ(д)ре**. Наконец, заключительное словосочетание обнаруживает в южнославянских списках примечательную падежную вариативность: определительное местоимение несколько раз (в

том числе в списке *Гр*) наблюдается в форме род. пад. **всѣѣ**, а личное (но только в *Гр*) – **наѣ**, что на фоне обычной сочетаемости глагола **помѣнѣннѣ** с вин. пад. может быть объяснено ориентацией на генитивное управление греч. *μνήσθητι πάντων ἡμῶν* (см. [79, с. 196–197]). Не вызывает удивления чередование инновационной, преимущественно восточнославянской огласовки **помани** в древнерусских рукописях с закономерной и преобладающей в старославянском **мѣѣ** [70, с. 58] – в южнославянских списках.

Тропарь создан по образцу византийских песнопений, в которых однородные двух- и многочленные эпитеты, обозначающие святого, как правило, соотносятся с формой повелительного наклонения или оптатива, ср.: *Χαίροις, πατριάρχῳ ἡ κρηπίς, σάλπιγξ ἡ εὐχητός, ὁ νοῦς ὁ περιβλεπτός, ἡ γλῶσσα ἡ ὀξυτάτη, ὁ διαυγής ὁφθαλμός, τῶν ὀρθῶν δογμάτων ἡ σαφήνεια, ποιμὴν ἀληθέστατος* (MR V 8) букв. ‘Радуйся, основание патриархов, благозвучная труба, замечательный ум, резвейший язык, сверкающее око, ясность правых учений, истиннейший пастырь’; *Χαίροις, τὸ χρυσαυγὲς καὶ θερπνὸν τῆς Ἐκκλησίας τὸ θεόπνευστον ὄργανον, ἡ γλῶσσα ἡ φιλοφρόνως τῆς μετανοίας ἡμῶν τοὺς ποικίλους τρόπους ὑπογράφουσα, ὁ νοῦς ὁ χρυσίμορφος, χελιδὼν ἡ χρυσόστομος* (MR II 140) (ср. славянский перевод: **Радѡу҃сѣ... ꙗ҃з҃ыче чл҃вколюбѡ по҃каѣннѣ намѣ разлѣчнѣнѣ образѣ написѡваѣ, о҃мѣ златѡобразнѣ, ластѡвице златѡо҃устаѣ** [9, с. 363–364]). В таких цепочках эпитетов неоднократно встречаются сочетания со словами “ум”, “язык” (ср., помимо уже приведенных примеров: *ὁ νοῦς ὁ ἐγρήγορος, ὁ νοῦς ὁ οὐράνιος, ὁ νοῦς ὁ θεῖος, ὁ νοῦς ὁ θεόληπτος; εὐχητός γλῶσσα, εὐστόμος γλῶσσα*), а также “соловей” (*ἀηδὼν ἡ καλλικέλαδος, ἡ ἀηδὼν ἡ εὐλαλός*), “ласточка”, “труба” (см. выше), и определения, подобные использованному в разбираемом тропаре, в частности, “огненный” (*Ὁ στῦλος ὁ πυρίνος* ‘столп огненный’); кроме того, сочетание **Огньнѣннѣ о҃мѣ** отмечено в древнейшем славянском каноне Димитрию Солунскому [58, с. 146]. Наконец, оборот **слажнѣ мѣдоу**, восходящий к Псалтыри (18.11), обнаруживается в январской минее (*γλυκύτερον μέλιτος* – MR III 283). Таким образом, реконструкция тех или иных чтений для исходного славянского текста обуславливается, наряду со стихометрическим критерием, наличием параллельных образов в византийской гимнографии.

Необходимо сразу констатировать, что текст Синодального списка практически безукоризненно вписывается в структуру ирмоса ‘Αφ’ ὕψους κατήλθες, что и позволяет *mutatis mutandis* поло-

³⁴ В издании [19, с. 287] ошибочно напечатано **ластовице**.

чала) вселившись, (затем) родился') – представляется исконным, в отличие от аориста **вѣселѣсѣ**, отмеченного во всех других списках. Следующее разночтение объединяет *Ил* с рядом южнославянских списков (включая *Гр*): **плѣтииѣ** vs. **вѣ плѣтъ** в других восточнославянских списках и *Пан*; очевидно, замена изначального оборота “в чрево вселившись, плотью родился” на “в чрево вселился, в плоть родился” обусловлена грамматической аттракцией – влиянием управления глагола **вѣселѣтисѣ**, который вовсе не составляет одного словосочетания с “плотью”; дальнейшее переосмысление и “улучшение” ошибочной инновационной конструкции, по-видимому, отражено в списках *Др*, *Пал*, *Ц* (**вѣ плѣти**) и *НБ902*, *НБ140*, *Л*, *НБ141*, *Вар*, *Поч* (**выплѣтисѣ**). Последнее слово тропаря, **члѣвѣка**, в целом ряде южнославянских списков (XIII–XVII вв.) стоит во мн. ч.: **-кы**, а в *Гр* выступает совершенно иной объект – **дѣла наша**; думается, что вариант с синекдохическим ед. ч., находящийся параллель, например, в завершении нескольких богородичнов, помещенных в АНГ (διὰ τὸ σῶσαι τὸν ἄνθρωπον; καὶ σῶζει με τὸν ἄνθρωπον; καὶ σῶσας τὸν ἄνθρωπον), является исконным, тогда как изолированное чтение *Гр* вновь демонстрирует переработку первоначального текста по аналогии со многими другими тропарями, оканчивающимися на **дѣла наша**.

Реконструкция исходного облика богородична согласно наиболее вероятным разночтениям дает нам текст, который, в отличие от предыдущих тропарей 3-й песни, категорически исключает “подверстывание” под стихометрическую схему ирмоса Τοὺς σοὺς ὑμνολόγους, – если в пяти колонках изосиллабизм просто нарушается, то последняя синтагма вообще остается лишней – для нее нет места в структуре ирмоса, ср.:

1	*СѢВѢТОМЪ ОТЬЧЕМЪ	8/10
2	БЕЗНАЧАЛЬНЫИ СЫНЪ	8/9
3	ІАКО СЛОВО ВѢ ЛОЖЕСНА ТВОІА	10/8
4	ОСѢНЕНИЕМЪ СВАТАГО	9/8
5	ДОУХА БОГОРОДИЦЕ	7/8
6	ВѢСЕЛѢСА ПЛѢТИИѢ РОДИСА	10/10
7	ИС ТЕБЕ СЪПАСАѢА ЧЛОВѢКА	9/–

Следовательно, дальнейшие изыскания могут проходить уже только в рамках ирмоса 'Аф' ὕψους κατῆλθες. Выстраивание текста богородична в соответствии со стихометрией этого ирмоса позволяет решить еще некоторые текстологические проблемы – в частности, из двух форм определения во втором колоне (**БЕЗНАЧАЛЬНЫИ** – в большинстве списков, но в *Гр*, *Л* – **лѣнь**) выбрать нечленную, а в четвертом колоне предпочесть стяженную форму *Ил* – **сва́таго** – нестяженной

форме Синодального списка. В итоге мы получаем хотя и не полное, но все же близкое совпадение слоговой структуры славянского тропаря и образцового греческого песнопения. Обратный перевод со славянского на греческий с учетом ирмоса и с опорой на сходные обороты в других гимнографических произведениях также дает, как кажется, весьма удовлетворительный результат, ср. обе реконструкции:

1	*СѢВѢТОМЪ ОТЬЧЕМЪ 8/5–6	*Βουλῆσει τοῦ Πατρὸς
2	БЕЗНАЧАЛЬНЪ СЫНЪ 7/6–7	ὁ ἀναρχὸς Υἱὸς
3	ІАКО СЛОВО ВѢ ЛОЖЕСНА ТВОІА 10/8–9	ὡς Λόγος τὴν κοιλίαν σου
4	ОСѢНЕНИЕМЪ СВАТАГО 9/8–9	ἐπισκιάσει Πνεύματος
5	ДОУХА БОГОРОДИЦЕ 7/6–7	Ἀγίου, Θεοτόκε,
6	ВѢСЕЛѢСА ПЛѢТИИѢ 7/5	σαρκὶ οἰκήσας
7	РОДИСА ИС ТЕБЕ 6/7	ἐγεννήθη ἐκ σοῦ (?)
8	СЪПАСАѢА ЧЛОВѢКА 7/6	σῶζων τὸν ἄνθρωπον

– т.е. ‘Безначальный Сын, по воле Отца вселившийся в чрево твое осенением Св. Духа, Богородица, во плоти родился из тебя, спасая человека (людей)’.

Поскольку обнаружение двух точных греческих эквивалентов богородичнам 1-й и 9-й песней уже продемонстрировало высокую вероятность переводного статуса всех богородичных тропарей кирилловского канона, можно со значительной степенью уверенности предположить, что оригинальный текст проанализированного песнопения, если он когда-нибудь будет обнаружен в море греческих рукописных миней, октоихов и триодей, в существенных чертах будет совпадать с нашей гипотетической реконструкцией.

Итак, анализ четырех тропарей 3-й песни показал, что богородичен вне всяких сомнений написан на ирмос 'Аф' ὕψους κατῆλθες, тогда как первый тропарь представляет собой близкий парафраз греческого тропаря Στόματι καρδίᾳ τε καὶ ὕλῳσση, сохраняющий не только его образную и синтаксическую структуру, но и стихометрические особенности – а именно соотношенность с ирмосом Τοὺς σοὺς ὑμνολόγους, Θεοτόκε. Второй тропарь лучше вмещается в рамки ирмоса Τοὺς σοὺς ὑμνολόγους, третий, напротив, – в структуру ирмоса 'Аф' ὕψους κατῆλθες. Эти разноречивые факты свидетельствуют, на наш взгляд, не только о том, что “один и тот же канон можно было спеть на разные мелодии” [81], но и о внутренней неоднородности отдельных песней кирилловского канона. Возникает впечатление, что текст песни мог складываться постепенно, путем присоединения богородична к уже написанным песнопениям и последующего подравнивания обычных тропарей под музыкальную струк-

туру богородична (ср. [63, с. 26]). Не исключено, что третий тропарь был введен в состав песни позже всего, уже после закрепления за всей песнью ирмоса 'Аф' ѱϣουϣ кѧтѧλθεϣ. На первоначальный состав песни, образованной из двух обычных тропарей и богородична (а не на последующее случайное сокращение), возможно, указывают данные древнейшего списка – *Ил*, где третий тропарь (**О оумѣ огньнѣ**) отсутствует. Это же предположение, вероятно, можно распространить на третий тропарь 1-й песни (**Свѣтъгымъ доухомъ**), не представленный в целом ряде списков начиная с *Ил*. А о том, подтверждаются ли эти гипотезы на материале остальных песней, мы скажем в следующей статье.

ИСТОЧНИКИ И ИХ СОКРАЩЕННЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

а) Древлехранилища

БАН – Библиотека Академии наук, Отдел рукописной и редкой книги (Санкт-Петербург).

ГИМ – Государственный исторический музей, Отдел рукописей и старопечатных книг (Москва).

НБКМ – Народная библиотека им. Кирилла и Мефодия (София).

РГАДА – Российский государственный архив древних актов (бывш. ЦГАДА, Москва).

РНБ – Российская национальная библиотека (бывш. ГПБ), Отдел рукописей и редких книг (Санкт-Петербург).

б) Рукописи

В – сохранившаяся в бумагах А.Х. Востокова копия службы Кириллу Философу в древнерусском списке XII в., по изд.: *Срезневский И.И.* Служба св. Константину философу по восьми древним спискам // *Срезневский И.И.* Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. I–XL. СПб., 1867. С. 67–78 (Сб. ОРЯС. Т. 1).

Вар – Миняя служебная, февраль (Варовитская рукопись), серб., 30-е гг. XVII в., Церковно-исторический и архивный институт при Болгарской патриархии (София), № 89, л. 83г–89v (служба Кириллу Философу, 14 февраля), по изд.: *Гошев И.* Светите брата Кирил и Методий: Материали из ръкописите на Синадалния църковен музей в София. София, 1938. С. 103–116.

Гр – Миняя праздничная (Григоровичева или Добрианова минея), ср.-болг., вт. пол. XIII в., БАН, 24.4.12.

Др – Драганова минея, ср.-болг., кон. XIII в., Афон, Зографский монастырь, № 54 (I. е. 9) (служба Кириллу Философу, 14 февраля; служба Мефодию, 6 апреля), по изд.: *Александров А.* Служба святым славянским апостолам Кириллу и Мефодию в болгарском списке XIV века // *Рус. филол. вестн.* 1893. № 2. С. 99–207 (местонахождение листов с текстом служб в настоящее время неизвестно).

Ил – Миняя праздничная (“Ильина книга”), XI/XII в. РГАДА, Тип. 131.

Л – Миняя служебная, февраль–март, югозападнорус. (со следами ср.-болг. орфографии), сер. XVI в.,

Люблин, библиотека Высшей духовной семинарии, № 538, л. 40v–44v (служба Кириллу Философу, 14 февраля), по изд.: *Наумов А.* Службата на св. Кирил Философ в един кирилски ръкопис от Люблин // *Исследования по славяно-византийскому и западноевропейскому средневековью.* София, 1988. С. 294–299.

НБ140 – Миняя праздничная, серб., XV–XVI вв., София, НБКМ 140, л. 244г–246v (служба Кириллу Философу, 14 февраля), по фотокопии.

НБ141 – Миняя служебная, февраль, серб. (ресавская), 1608 г., София, НБКМ 141, л. 57г–63г (служба Кириллу Философу, 14 февраля), по изд.: *Райков Б.* Два новооткрити преписа от службата на Кирил Философ и няколко бележки върху нейния състав // *Константин-Кирил Философ.* София, 1969. С. 209–213.

НБ895 – Миняя служебная, декабрь–февраль, серб., XIII/XIV в., София, НБКМ 895, л. 82г–v (служба Кириллу Философу, 14 февраля), по изд.: *Райков Б.* Два новооткрити преписа от службата на Кирил Философ и няколко бележки върху нейния състав // *Константин-Кирил Философ.* София, 1969. С. 206–208.

НБ902 – Миняя служебная, февраль–март, ср.-болг., кон. XV в., София, НБКМ 902, л. 46г–50v (служба Кириллу Философу, 14 февраля), по изд.: *Кодов К.* Един непознат препис от службата на Кирил Философ // *Хиляда и сто години славянска писменост.* 863–1963. София, 1963. С. 297–304.

Пал – Миняя служебная, февраль и август (Палаузовская минея), ср.-болг., перв. пол. (?) XIV в., БАН, 24.4.11.

Пан – Миняя служебная, декабрь–февраль, серб., 1320–1330 гг., Афон, Пантелеймонов монастырь, Slav. 11, л. 217г–221v (служба Кириллу Философу, 14 февраля), по изд.: *Александров А.* Служба святому Кириллу, учителю славянскому: По рукописи русского Пантелеймоновского монастыря на Афоне. СПб., 1895. С. 19–27.

Пог – Сборник богослужебный, серб., тр. четв. XVII в., РНБ, Пог. 323.

Поч – Миняя служебная, январь–февраль, югозападнорус., 1690 г., Киев, Центральная научная библиотека Национальной академии наук Украины, Поч. 22, л. 278v–283г (служба Кириллу Философу, 14 февраля), по фотокопии.

Р – Миняя праздничная, ср.-болг. с русизмами или всл. с болгаризированной орфографией, XV или XVI в., Библиотека Румынской академии наук (Бухарест), № 717, л. 85v–86v (служба Кириллу Философу, 14 февраля), по изд.: *Стойкова А.* Бележки върху историята и структурата на ранните служби на Кирил Философ (По повод на един новооткрит молдавски препис) // *Климент Охридски – живот и дело.* София, 2000. С. 229–231 (Кирило-Методиевски студии; Кн. 13).

С – Миняя служебная, февраль, XII в., ГИМ, Син. 164.

Ск – Миняя праздничная, ср.-болг., XIII в., хранилась в болгарской митрополии г. Скопье (в настоящее время местонахождение неизвестно), служба Кириллу Философу (14 февраля), по изд.: *Радченко К.Ф.* Заметки о рукописях, хранящихся в болгарской митрополии г. Скопья, с приложением службы

- Константину Философу по среднеболгарскому списку XIII века // Изв. ОРЯС. 1907. Кн. 12, № 3. С. 158–162.
- T98* – Минея праздничная, декабрь–январь, XII–XIII вв., РГАДА, Тип. 98.
- T104* – Минея служебная, февраль, XII в., РГАДА, Тип. 104.
- T105* – Минея служебная, февраль, нач. XIV в., РГАДА, Тип. 105.
- Xл152* – Минея служебная, январь–март, ср.-болг., перв. пол. XIV в., ГИМ, Хлуд. 152.
- Xл164* – Минея праздничная, серб., 1371–1385 гг., ГИМ, Хлуд. 164.
- Xл166* – Минея праздничная, серб., перв. пол. XIV в., ГИМ, Хлуд. 166.
- Ц* – Минея праздничная, серб., перв. четв. XVI в., Церковно-исторический и архивный институт при Болгарской патриархии (София), № 113, л. 230–236 (служба Кириллу Философу, 14 февраля), по изд.: *Кръстанов Т.* Неизвестен препис от службата за св. Кирил Философ от XVI в. в празничен миней № 113 от сбирката на Църковноисторическия и архивен институт в София // Климент Охридски – живот и дело. София, 2000. С. 208–212 (Кирило-Методиевски студии; Кн. 13).
- Z* – Минея служебная, февраль, ср.-болг., нач. XIV в., Афон, Великая Лавра, Z 53, л. 49v–53v (служба Кириллу Философу, 14 февраля), по изд.: *Нихоритис К.* Атонската книжовна традиция в разпространението на Кирило-Методиевските извори. София, 1990. С. 185–194 (Кирило-Методиевски студии; Кн. 7).
- в) Греческие источники
- АНГ – *Analecta Hymnica Graeca e codicibus eruta Italiae inferioris*/Ed. J. Schirò. T. I–XIII. Roma, 1966–1983.
- ЕЕ – *Εἰρημολόγιον* / 'Εκδ. ὑπὸ Σ. Εὐστρατιάδου. Chen-nevières-sur-Marne, 1932.
- MR – *Μηναῖα τοῦ ὅλου ἐνιαυτοῦ*. T. 1–6. 'Εν 'Ρώμῃ, 1888–1902.
- PaR – *Παρακλητικὴ ἤτοι 'Οκτώηχος ἡ μεγάλη*. 'Εν 'Ρώμῃ, 1885.
- TLG – *Thesaurus Linguae Graecae*, <http://stephanus.tlg.uci.edu/indiv/textsearch>.
5. *Соболевский А.И.* Еще одно церковнославянское стихотворение конца IX – начала X века // Библиограф. 1894. № 3.
 6. *Соболевский А.И.* Церковнославянские стихотворения от IX–X век и тяхното значение за церковнославянския език // Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. Кн. XVI–XVII. София, 1900.
 7. *Соболевский А.И.* Церковнославянские стихотворения IX–X веков и их значение для изучения церковнославянского языка // Тр. XI археол. съезда в Киеве, 1899. Т. II. М., 1902.
 8. *Соболевский А.И.* Древние церковнославянские стихотворения IX–X веков // *Соболевский А.И.* Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб., 1910.
 9. *Ягич И.В.* Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь: В церковнославянском переводе по русским рукописям 1095–1097 г. СПб., 1886.
 10. *Попов Г.* Акrostих в гимнографическом творчестве учеников Кирилла и Мефодия // *La poesia liturgica slava antica* = Древнеславянская литургическая поэзия. София, 2003.
 11. *Abicht R.* Die Interpunktion in den slavischen Übersetzungen griechischer Kirchenlieder // *Archiv für slavische Philologie*. 1914. Bd. 35.
 12. *Abicht R.* Haben die alten slavischen Übersetzer der griechischen Kirchenlieder die Silbenzahlen der griechischen Liederverse festgehalten? // *Archiv für slavische Philologie*. 1916. Bd. 36.
 13. *Jfagić V.* Zusatz // *Archiv für slavische Philologie*. 1916. Bd. 36. S. 428–429.
 14. *Jakobson R.* The Slavic Response to Byzantine Poetry // *Selected writings*. VI: Early Slavic Paths and Crossroads. Pt. 1: Comparative Slavic Studies. The Cyrillo-Methodian Tradition. Berlin etc., 1985.
 15. *Drillock D.* Early Slavic Translations and Musical Adaptations of Byzantine Liturgical Hymnody // *St. Vladimir's Theological Quarterly*. 2000. Vol. 44, Nos. 3–4.
 16. *Крысько В.Б.* О греческих источниках и реконструкции первоначального текста древнерусских стихир на Борисов день // *Miscellanea Slavica*: Сб. статей к 70-летию Б.А. Успенского. М., 2008.
 17. [Горский А.В.] О древних канонах святым Кириллу и Мефодию // Прибавления к изданию Творений святых отцев в русском переводе. 1856. Ч. XV, кн. 1.
 18. *Горский А.В.* О древних канонах святым Кириллу и Мефодию // Кирилло-Методиевский сборник. М., 1865.
 19. Служба св. Кириллу и Мефодию, по Синодальному списку // Кирилло-Методиевский сборник. М., 1865.
 20. *Григорович В.И.* Древнеславянский памятник, дополняющий житие славянских апостолов, святых Кирилла и Мефодия // Учен. зап. Казан. ун-та по Отд-нию ист.-филол. и полит.-юрид. наук. 1862. Вып. I, отд. I (отд. оттиск: Казань, 1862).
 21. *Григорович В.И.* Древнеславянский памятник, дополняющий житие славянских апостолов, святых

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Разные известия // Православное обозрение. 1862. Т. 9. Сент. С. 87.
2. *Глаголы прпвнымъ оцѣмъ нашимъ, равноапѣталнымъ Меѡдію и Кѣріллѡ, Очѣлѣмъ Глоуѣнскимъ*. СПб., 1885.
3. *Парѡений. Богослѡжевнаа послѣдованіа на все лѣто съ житіаи сватыхъ равноапостолныхъ седмочисленныхъ славноболгарскихъ просвѣтителѣй*. София, 1958.
4. *Соболевский А.И.* Церковнославянские стихотворения конца IX – начала X веков // Библиограф. 1892. № 12.
5. *Соболевский А.И.* Еще одно церковнославянское стихотворение конца IX – начала X века // Библиограф. 1894. № 3.
6. *Соболевский А.И.* Церковнославянские стихотворения от IX–X век и тяхното значение за церковнославянския език // Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. Кн. XVI–XVII. София, 1900.
7. *Соболевский А.И.* Церковнославянские стихотворения IX–X веков и их значение для изучения церковнославянского языка // Тр. XI археол. съезда в Киеве, 1899. Т. II. М., 1902.
8. *Соболевский А.И.* Древние церковнославянские стихотворения IX–X веков // *Соболевский А.И.* Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб., 1910.
9. *Ягич И.В.* Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь: В церковнославянском переводе по русским рукописям 1095–1097 г. СПб., 1886.
10. *Попов Г.* Акrostих в гимнографическом творчестве учеников Кирилла и Мефодия // *La poesia liturgica slava antica* = Древнеславянская литургическая поэзия. София, 2003.
11. *Abicht R.* Die Interpunktion in den slavischen Übersetzungen griechischer Kirchenlieder // *Archiv für slavische Philologie*. 1914. Bd. 35.
12. *Abicht R.* Haben die alten slavischen Übersetzer der griechischen Kirchenlieder die Silbenzahlen der griechischen Liederverse festgehalten? // *Archiv für slavische Philologie*. 1916. Bd. 36.
13. *Jfagić V.* Zusatz // *Archiv für slavische Philologie*. 1916. Bd. 36. S. 428–429.
14. *Jakobson R.* The Slavic Response to Byzantine Poetry // *Selected writings*. VI: Early Slavic Paths and Crossroads. Pt. 1: Comparative Slavic Studies. The Cyrillo-Methodian Tradition. Berlin etc., 1985.
15. *Drillock D.* Early Slavic Translations and Musical Adaptations of Byzantine Liturgical Hymnody // *St. Vladimir's Theological Quarterly*. 2000. Vol. 44, Nos. 3–4.
16. *Крысько В.Б.* О греческих источниках и реконструкции первоначального текста древнерусских стихир на Борисов день // *Miscellanea Slavica*: Сб. статей к 70-летию Б.А. Успенского. М., 2008.
17. [Горский А.В.] О древних канонах святым Кириллу и Мефодию // Прибавления к изданию Творений святых отцев в русском переводе. 1856. Ч. XV, кн. 1.
18. *Горский А.В.* О древних канонах святым Кириллу и Мефодию // Кирилло-Методиевский сборник. М., 1865.
19. Служба св. Кириллу и Мефодию, по Синодальному списку // Кирилло-Методиевский сборник. М., 1865.
20. *Григорович В.И.* Древнеславянский памятник, дополняющий житие славянских апостолов, святых Кирилла и Мефодия // Учен. зап. Казан. ун-та по Отд-нию ист.-филол. и полит.-юрид. наук. 1862. Вып. I, отд. I (отд. оттиск: Казань, 1862).
21. *Григорович В.И.* Древнеславянский памятник, дополняющий житие славянских апостолов, святых

- Кирилл и Мефодия // Кирилло-Мефодиевский сборник. М., 1865.
22. Срезневский И.И. Служба св. Константину философу по восьми древним спискам // Срезневский И.И. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. I–XL. СПб., 1867. (Сб. ОРЯС; Т. 1).
 23. Александров А. Служба святым славянским апостолам Кириллу и Мефодию в болгарском списке XIV века // Рус. филол. вестник. 1893. № 2.
 24. Александров А. Служба святому Кириллу, учителю славянскому: По рукописи русского Пантелеймоновского монастыря на Афоне. СПб., 1895. (Памятники древней письменности; CVII).
 25. Радченко К.Ф. Заметки о рукописях, хранящихся в болгарской митрополии г. Скопья, с приложением службы Константину Философу по среднеболгарскому списку XIII века // Изв. ОРЯС. 1907. Т. 12, кн. 3.
 26. Шляков Н.В. Служба преподобному отцу нашему Кириллу, учителю словенскому // Изв. ОРЯС. 1910. Т. 15, кн. 3.
 27. Казанский П.С. Сравнительное достоинство списков службы св. Кириллу, просветителю славян, принадлежащих г. Григоровичу и московской Синодальной библиотеке // Кирилло-Мефодиевский сборник. М., 1865.
 28. Воронов А.Д. Главнейшие источники для истории свв. Кирилла и Мефодия. Киев, 1877.
 29. Лавров П.А. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930.
 30. Иванов Й. Български старини из Македония. 2-о изд. София, 1931.
 31. Теодоров-Балан А. Кирил и Методи. II. София, 1934.
 32. Гошев И. Светите братя Кирил и Методий: Материали из ръкописите на Синодалния църковен музей в София. София, 1938.
 33. Ангелов Б.Ст. Старобългарски текстове. III. Служба на Кирил Философ // Известия на Архивния институт. 1. София, 1957.
 34. Ангелов Б.Ст. Служба на Кирил Философ // Ангелов Б.Ст. Из старата българска, руска и сръбска литература. Кн. II. София, 1967.
 35. Кодов К. Един непознат препис от службата на Кирил Философ // Хиляда и сто години славянска писменост, 863–1963. София, 1963.
 36. Райков Б. Два новооткрити преписа от службата на Кирил Философ и няколко бележки върху нейния състав // Константин-Кирил Философ: Юбилеен сб. по случай 1100-годишнината от смъртта му. София, 1969.
 37. Райков Б. Старата славянска служба на Константин Философ – Кирил // Славянска филология. Т. 21. София, 1993.
 38. Райков Б., Христова Б. Текстологични наблюдения върху ранната служба на Константин Философ – Кирил // Изв. на Нар. б-ка “Св. св. Кирил и Методий”. 1994. Т. XXII.
 39. Станчев К., Попов Г. Климент Охридски – живот и дело. София, 1988.
 40. Йонова М. Стилистични проблеми на ранните старобългарски химнографски произведения за Кирил и Методий // Кирило-Методиевски студии. Кн. 8. София, 1991.
 41. Карастоянов Б. Песнопения за св. св. Кирил и Методий в невмени извори от XII–XX век. София, 1993.
 42. Йеромонах Павел (Стефанов). Неизвестен препис от службата на св. Кирил Философ (XII в.) // Духовна култура. 1993. Кн. 6.
 43. Кръстанов Т. Неизвестен препис от службата за св. Кирил Философ от XVI в. в празничен миней № 113 от сбирката на Църковноисторическия и архивен институт в София // Климент Охридски – живот и дело. София, 2000. (Кирило-Методиевски студии; Кн. 13).
 44. Стойкова А. Бележки върху историята и структурата на ранните служби на Кирил Философ (По повод на един новооткрит молдавски препис) // Климент Охридски – живот и дело. София, 2000. (Кирило-Методиевски студии; Кн. 13).
 45. Мирчева Б. Канонът за Кирил и Методий и службата за Кирил в славянската книжнина. В. Търново, 2001.
 46. Попов Г. Служби за Кирил и Методий старобългарски // Кирило-Методиевска енциклопедия. Т. III. София, 2003. С. 655–656.
 47. Kostić D. Бугарски епископ Константин – писац службе св. Методију // Byzantinoslavica. 1937–1938. 7.
 48. Pasterze wiernych Słowian: święci Cyryl i Metody/Teksty wybrał, tłum. i oprac. A. Naumow. Kraków, 1985.
 49. Наумов А. Службата на св. Кирил Философ в един кирилски ръкопис от Люблин // Исследования по славяно-византийскому и западноевропейскому средневековью. София, 1988. (Studia slavico-byzantina et mediaevalia europensia; Vol. I).
 50. Kuczyńska M. Południowosłowiańska poezja liturgiczna w zbiorach bibliotek polskich. Szczecin, 2003. S. 33–47.
 51. Нихоритис К. Атонската книжовна традиция в разпространението на Кирило-Методиевските извори. София, 1990. (Кирило-Методиевски студии; Кн. 7).
 52. Верещагин Е. М. Церковнославянская книжность на Руси. Лингвотекстологические разыскания. М., 2001. С. 369–380.
 53. Древнейший славянский богослужебный сборник “Ильина книга”: Факсимильное воспроизведение рукописи. Билинеарно-спатическое издание источника с филолого-богословским комментарием / Подгот. Е.М. Верещагин. М., 2006. С. 870–880.
 54. Темчин С.Ю. Прение римского папы Сильвестра I с раввином Замбрием и кирилло-мефодиевская традиция // Palaeoslavica. 2002. X, no. 2.
 55. Темчин С.Ю. О греческом происхождении древнейшей службы Кириллу Философу // Liturgische Hymnen nach byzantinischem Ritus bei den Slaven in ältester Zeit. Paderborn etc., 2007.
 56. Темчин С.Ю. О переводном характере древнейшей службы Кириллу Философу: **яко избрана стрѣла еѣмѣна въ тоуѣ** // Darß slovesny: Festschrift für Christoph Koch zum 65. Geburtstag. München, 2007.

57. *Јакимовска-Тошиќ М.* Уште еден прилог кон најстарата служба за св. Кирил Филозоф // Кирило-Методијевистика. 1. Скопје, 2003.
58. Ильина книга. Рукопись РГАДА, Тип. 131: Лингвистическое издание, подготовка греческого текста, комментарии, словоуказатели В.Б. Крысько. М., 2005.
59. *Барсов Е.В.* Описание рукописей и книг, хранящихся в Выголексинской библиотеке. Исторический очерк Выговской библиотеки // Летопись занятий Археографической комиссии. 1877. Вып. 6. Отд. III. С. 42–43.
60. *Богуславский К.Г.* Иванические месячные минеи 1547–1579 г. // Чт. в Ист. о-ве Нестора Летописца. 1900. Т. 14. С. 52.
61. Gottesdienstmenäum für den Monat Februar auf der Grundlage der Handschrift Sin. 164 des Staatlichen Historischen Museums Moskau (GIM). Т. 2: 10. bis 19. Februar. Hrsg. von H. Rothe. Paderborn, 2006.
62. *Крысько В.Б.* Очерки по истории русского языка. М., 2007. С. 51–70.
63. *Крысько В.Б.* Новые греческие источники канона Кириллу Философу // Palaeobulgarica = Старобългаристика. 2007. 31, № 2.
64. *Rothe H.* Theologische Terminologie und rhetorische Formeln in liturgischen Hymnen der Kiever Rus'. I: Ausdrücke für Vernunft, Verstehen, Erkennen // Liturgische Hymnen nach byzantinischem Ritus bei den Slaven in ältester Zeit. Paderborn etc., 2007.
65. *Крысько В.Б.* О греческих источниках и реконструкции первоначального текста древнейшей службы Кириллу Философу // Palaeobulgarica = Старобългаристика. 2005. 29, № 4.
66. *Christians D.* Theotokia in Kanones altbulgarischer Provenienz // Palaeobulgarica = Старобългаристика. 2004. 28, № 1. S. 90.
67. *Follieri H.* Initia hymnorum Ecclesiae graecae. Vol. V/1. Città del Vaticano, 1966. P. 143.
68. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 1–8–. М., 1988–2008–.
69. Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков). М., 1994. С. 203.
70. *Diels P.* Altkirchenslavische Grammatik. 1. Teil. Heidelberg, 1932.
71. *Успенский Б.А.* Избранные труды. Т. III: Общее и славянское языкознание. М., 1997.
72. Wörterbuch zum Gottesdienstmenäum für den Monat Dezember slavisch – griechisch – deutsch nach ostslavischen Handschriften des 12. und 13. Jahrhunderts mit einem Glossar griechisch – slavisch. Bearb. von D. Christians. Wiesbaden, 2001.
73. Gottesdienstmenäum für den Monat Dezember nach den slavischen Handschriften der Rus' des 12. und 13. Jahrhunderts. Т. 1. Hrsg. von H. Rothe, E. M. Vereščagin. Opladen, 1996. S. 140.
74. *Σωφρόνιος.* Ταμείον ἐκκλησιαστικῆς ποιήσεως // Ἐκκλησιαστικὸς Φάρος. 1940. Т. 39. Σ. 140.
75. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–27–. М., 1975–2006–.
76. *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. М., 2004. С. 186.
77. Древнегреческо-русский словарь/Сост. И. Х. Дворецкий. Т. 1–2. М., 1958.
78. Slovník jazyka staroslověnského. I–IV. Praha, 1958–1997.
79. *Крысько В. Б.* Исторический синтаксис русского языка: Объект и переходность. М., 2006.
80. *Кузнецов А.М., Иорданиди С.И., Крысько В.Б.* Прилагательные. М., 2006. С. 310–311, 390. (Историческая грамматика древнерусского языка; Т. 3).
81. *Matejko L'.* Ирмосы в славянских минеях XI–XIV вв. // Liturgische Hymnen nach byzantinischem Ritus bei den Slaven in ältester Zeit. Paderborn etc., 2007. С. 27.